

XX 146
13

Огонек

Трудовым полтинником крепите
оборону Советского Союза!

ВОКРУГ СВЕТА ЗА ПОЛТИННИК

Статистик спичечной фабрики „Маяк“ в Рыбинске тов. А. П. Назаринов (X), выигравший по билету Всесоюзной авиалотереи право на кругосветное путешествие, — на Московском аэродроме, перед отлетом в Германию.

НОВЕЙШИЙ ПЕСЕННИК

Полный сборник ПЕСЕН былого и новейш. времени: старин. и позднейш. народн. русск., волжск. и украинск. Песни революционеров, тюрьмы, работницы и крестьян, безбожн., комсомол. и красноарм. ок. 200 стр. Ц. 1 р. Высыл. нал. плат. Заказы направляй: МОСКВА, ул. Герцена, № 31/62. Коопер. Т-ву „СПЕЦ-КНИГА“.

САТИРА И ЮМОР

В. СЕРЕЖНИКОВА. ПОЛНЕЙШИЙ СБОРНИК САТИРИЧЕСКИХ И ЮМОРИСТИЧЕСКИХ произведений прошл. и новейш. времени для ЧТЕНИЯ, ДЕКЛАМАЦИИ и РАССКАЗА 330 стр. в перепл. ц. 2 р. Выс. нал. платж. Заказы напр.: МОСКВА, ул. Герцена, № 31/68. Кооперат. Т-ву „СПЕЦ-КНИГА“.

ОПТИЦИЗМ

Профессора Г. Роледер. Предислов. проф. В. Броннер. ПРИЧИНЫ. ЯВЛЕНИЯ БОЛЕЗНИ. ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ. ЛЕЧЕНИЕ. 190 стр. 6. ф. Ц. 2 руб. Выс. нал. плат. Заказы направляй: МОСКВА, ул. Герцена, № 31/64. Кооперат. Т-ву „СПЕЦ-КНИГА“.

ФОТО-ЛЮБИТЕЛЬ

ФОТО-АППАРАТ: 1) Выбор фото-аппарата. П. Раченко. 55 стр. Ц. 45 к. 2) Самодельные фото-аппараты. П. Албычева. 30 стр. Ц. 80 к. НАЧ СНИМАТЬ. А. Бянки. Самоучитель фотографии. 88 стр. Ц. 65 к. НАЧ ПРОВЯЛЫТЬ негативы. П. Радченко. 62 стр. Ц. 45 к. ЛАБОРАТОРИЯ фотографа-любителя. Албычева и Баранова. 46 стр. Ц. 35 к. БРОМООЛЬ. Бр.-маса. процесс. позитив. печати. 64 стр. Ц. 75 к. РЕЦЕПТУРА фотографа-любителя. С. Гальбара. 60 стр. Ц. 40 к. ПЕЧАТЕНИЕ на бром., газопечати. и дневн. бумагах. 45 стр. Ц. 40 к. ФОТО-УВЕЛИЧЕНИЕ. П. Леонтьева. 39 стр. Ц. 35 к. Все книги со многими рисун. Высыл. нал. платж. Заказы направляй: МОСКВА, ул. Герцена, 31/65. Кооперативн. Т-ву „СПЕЦ-КНИГА“.

ПРЕСТУПНЫЙ МИР МОСКВЫ

С фотографиями и рисунками. Сборник. Краткое содержание: Грабители и бандиты. Убийцы. Революционеры. Воры. Мошеники. Самогонщики. Криминальные психопаты. „Дети-преступники“. Табуировка в местах заключения. Цена 3 р. 60 к. При высылке денег (или марок) вперед пересылка бесплатно. Заказы направляй. Кооперат. издат. „ПРАВО И ЖИЗНЬ“. МОСКВА 34, ул. Кропоткина 17/1.

САМОУЧИТЕЛИ

для ГАРМОНИКИ 2-риан. венск. русско-немецк. строя, 25 пьес, по цифровой системе. ц. 1 р. 50 к.; продолжение к самоучителю—альбом № 1, 25 пьес, ц. 1 р. 50 к. самоучитель по нотной-цифровой сист. 23 пьесы с аккордами, ц. 3 р. для БАЯНА самоучители—школьн. по нотной-цифровой системе, и трудности—3 р. 50 к.; 6. трудн.—10 р., две школы ам.—12 р. Имеются отдельные пьесы. Проспект высылается за одну 8-коп. марку. Заказы направляй: Москва, 10. Глухарев пер., д. № 3, кв. 11, автору—М. Н. ГЕРАСИМОВУ.

ДОСТУПНЫЙ КАЖДОМУ ЗАРАБОТОК

2000 ПРАКТИЧЕСКИХ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКИХ РЕЦЕПТОВ

всевозможных производств, доступно изложенных по лучшим иностр. источникам. Сост. И. Рудь 534 стр. 1927 года. Ц. 3 р. 50 к. с перес. 4 р., в пакете на 50 к. дорож.

ХОЗЯЙКА-КУЛИНАРКА ПОЛНАЯ ПОВАРЕННАЯ КНИГА

для хозяйки. 1370 мясных и вегетарианских блюд, всевозможных домашних заготовок, печений, варений и проч. Сост. Зин. И. Рудь. 465 стр. на хорош. бумаге 1927 г. Ц. 3 р. 50 к., с перес. 4 р., в пакете на 50 к. дорож.

ОБЩИЙ КАТАЛОГ КНИГ 5500 названий высылается бесплатно. Высылается наложенным платежом. Склад в книжном магазине И. Ф. Мосцова, просп. Володарского, д. 46/4. Ленинград.

ПОЛЕЗНЫЕ КНИГИ

ШКОЛА КРОЙКИ И ШИТЬЯ мужск., женск. и детск. платья и белья, со многими рис. и выкр. по нов. сист. Простейш. способы научиться кроить и шить дома сост. Гринкевич, О. П. 2 р. 75 к.

ВЕСЕЛЫЙ ДЕКЛАМАТОР. ЮМОР, рассказчик. Стихи, шутки, монологах и др. 256 стр. Сост. Фукс. Ц. 1 р. 50 к.

Как предохранить себя от беременности не прибегая к аборту. 112 стр. 88 рис. Д-ра Дрекслера, Ц. 1 р. 20 к., а также

ЛЮБУЮ КНИГУ

новую, редкую, распродаван. по всем отрасл. знания. высылает с налож. плат. Книжный магазин „НАУКА И ЖИЗНЬ“. МОСКВА 19, Воздвиженка 4/0. Фир. сущ. с 1905 г.

ПОЛЬЗУЯСЬ СЛУЧАЕМ

ВЫ МОЖЕТЕ ИМЕТЬ: Чехова, А. П. полное собр. соч. 23 тт. в перепл. за 8 руб.

Чернышевского, Н. Г. 11 больших томов бп. за 6 руб.

Лермонтова, М. Ю. 2 тома в одн. перепл. за 3 руб. 50 к.

Означенные книги высылает Книжный Магазин „КНИГОСОЮЗ“, Мох.

вая ул. д. 20/0 при задатке в 250% их стоимости (можно почтовыми марками).

ВСЕ для ФОТО и КИНО

ПРЕДЛАГАЕТ В БОЛЬШОМ ВЫБОРЕ

„СОВКИНТОРГ“ МОСКВА, Центр, Петровка 15.

Телефоны: 5-81-63, 5-15-73.

Изгородные заказы исполняются по получении задатка не менее 25%, а для Сибири и Закаспийского края не менее 50%.

Оптовым покупателям скидка по соглашению.

НОВЫЙ ПРЕЙС-КУРАНТ на 1927 г. высылается бесплатно по получении одной 8-коп. почтов. марки.

Любую книгу

русскую или новую, так и старую, высылает налож. платж. в 3-дневн. срок. Отдел Почтовых Отправ и книжного магазина ВЦСПС МОСКВА, Кузнецкий Мост 1.

ЛЮБУЮ КНИГУ

как новую, так и старую в 3-дневн. срок, выслать налож. платежом. Заказы, запросы, деньги адресовать: МОСКВА центр. Политехническ. музей 116/0 „КУЛЬТУРА И ЗНАНИЕ“.

МОСКВА, Кривоколенный № 14 кв. 3. А. Зыков.

„БАСМА-ХЕНЗ“ — жидкий, момент. окраш. волосам бровей, ресниц, усов в любой цвет, не смыв. мылом 4—6 н., не пачк. лица, не отлич. от природн. Коробка на год 2 р., полгода—1 р. 20 к. Специальная краска для волос головы—3 руб. Высылается наложен. плат. Проба, рукоб. бесплатно.

Новые книги:

ИВАНОВ.—Водоснабжение и канализация поселков. 5 р. НАРПОВ и ШИЛОВ.—Электротехника в фабрично-заводном деле. 4 р. 50 к. ЗАБЕРСКИЙ.—Отопление и вентиляция. 3 р. Богдан.—Выделка подошвенной кожи. 3 р. 50 к. Его же.—Выделка мягких сортов красноватой кожи. 2 р. 50 к. Вильсон.—Химия комбинированного производства. 4 р. 50 к. Ирониди.—Обработка кожи. 1 р. 75 к. Моргнер.—Катехизис машиниста 1 р. 50 к. Нубер.—Справочник по тепло-технике. 1 р. 80 к. Будников.—Керамическая технология. 10 р. Орлов.—Глазури, эмали и керамические краски. 4 р. Абаев.—Технология металлов. 2 р. Дорачев.—Общие свойства и получение металлов и сплавов. 2 р. 10 к. Мосовский.—Рабочий справочник по чугуно-литейному делу. 2 р. 50 к. Гитто.—Теория и эксплуатация автомобилей. 2 р. 50 к. Лобель.—Техника кинематографии. 2 р. 50 к. Шротт.—Руководство для кино-механиков и администраторов. 3 р. ХЮТТЗ.—Справочник для производственников в трех томах. 18 р. Хюттз-расчетный.—Испомогательные таблицы для технических вычислений. 2 р. ЛОСС.—Организация заводских предприятий. 2 р. Шерлих.—Накладные расходы в себестоимости производства. 2 р. Шифрин.—Полный немецко-англо-русский технический (по Шломану), 15 р. Гавоак.—Товароведение. 2 р.

НАША ХИМИЧЕСКИ ЧИСТАЯ СИНЬКА для БЕЛЬЯ (ультрамарин)

в пакетах дает идеальный цвет белью и большую экономию. Цена за 100 пакет. 5 руб. Производство „АМИН“ Москва Центр. Почт. ящ. 490. Образцы высылаются бесплатно.

ЛЮБУЮ КНИГУ

по всем отраслям ЗНАНИЯ и ТЕХНИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ и ИСКУССТВА немедленно высылает наложен. платежом книжный магазин „КНИЖНАЯ ПОЛКА“. РАЗЪЯСНЕНИЕ и ВЫСЫЛКА РЕДКИХ и РАСПРОДАВАННЫХ ИЗДАНИЙ Заказы и деньги адресовать: Москва 106, Малая Бронная 10, помещение 3 „Книжная Полка“.

МУЗЫКА

Баяны в 200, 250, 500 и 400 р. Балалайки в 5, 6, 7, 8, 10, 12, 15, 20, 25 и 30 р. Гармоники в 40, 50, 70, 85, 100 и 125 р. Гитары в 18, 20, 25, 30, 40 и 50 р. Мандолины в 15, 20, 25, 30, 40 и 50 р. Прейс-курнт за 8-к. марку высыл. А. СОКОЛОВ Москва 66. Елоховская д. 18.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ ПО НАЛОГАМ

МОСКОВИЗДАТЕЛЬСТВА ВЫДАЧА РАЗЪЯСНЕНИЙ ПИСЬМЕННЫХ (3 р.) УСТНЫХ (2 р.) ПО ТЕЛЕФОНУ: 1 мес. — 3 р. 6 мес. — 12 р. 12 мес. — 20 р. Москва, пл. Революции Тех. 5-26-56, 85-29.

ИСПЫТАННЫЕ СРЕДСТВА

ЛАБОРАТОРИИ КООП. Т-ВА „ЭЛЭМ“ МОСКВА, МАЛ. ДМИТРОВКА 17

ЕДИНСТВЕННО НАСТОЯЩИЙ ДЕПИЛЯТОРИЙ W. M.

— порошок для уничтожения волос, где того требует красота и гигиена тела. Продажа в зеленых коробках. Ц. 1 р. 25 к., 2 р. 50 к. и 4 р. 50 к. Рост волос замедляется. РОССЕТЕРНИЙ ВОССТАНОВИТЕЛЬ поседевших волос, фл. 2 р. КРЕМ для БРИТЬЯ „ELEM Buxia“ без воды, без мыла, без кисточки, экономия времени, туба 90 к. Высыл. только по получеи. 25% стоимости. Продажа в аптеках, магазинах санитарий и гигиены.

КАЗИМИ КРЕМ МЕТАМОРФОЗА

ЛУЧШЕЕ СРЕДСТВО ПРОТИВ ВЕСНУШЕК и ДРУГИХ НЕДОСТАТКОВ КОЖИ ЛИЦА

Салон

АВТОР ЗНАМЕНИТЫХ ФАЛЬШИВОК

Очерк председателя Военной Коллегии Верх. Суда СССР тов. В. В. Угрюма.

В последнее время ряд буржуазных правительств стал усиленно прибегать к изготовлению фальшивых документов, исходящих якобы от советского правительства с целью дискредитировать его перед общественным мнением „культурной“ Европы,

Советский суд знал не мало подсудимых, которые обвинялись во всевозможных контрреволюционных преступлениях — шпионаже, заговорах, восстаниях и т. д., но впервые на скамье подсудимых сидел по обвинению в тяжелых государственных преступлениях тот, кто был одним из главных фабрикантов и продавцов знаменитых фальшивок.

Сын исправника, бывший подпоручик царской армии, дезертир из Красной армии, доброволец армии Юденича, впоследствии в течение ряда лет агент второго (разведывательного) отдела польского генштаба — таково прошлое Дружиловского.

Состоя в польской разведке, он одновременно оказывал отдельные услуги берлинской полиции в период 1923 — 1924 г. г. а в 1925 и французской разведке.

В конце 1924 года Дружиловский начинает пополнять свой заработок изготовлением „документов“, сначала по заданию офицеров польской разведки, затем американских

менты“ для польской разведки были изготовлены на специально заказанных бланках Н.К.И.Д., другие просто имели советский герб, третьи имели штамп разных несуществующих секций и отделов Исполкома Коминтерна...

Получая деньги от всех, обманывал порой одних за счет других, Дружиловский несколько раз был арестован, как авантюрист, но, опираясь на свои „связи“, всегда выкручивался.

Но один из последних его документов — инструкция о крушении германскими коммунистами поезда в Данцигском коридоре, в целях вызвать конфликт между Германией и Польшей, и в то же время гонения на коммунистов, — был выявлен берлинской полицией, и Дружиловский был арестован, а в конце 1925 года выслан из Пруссии.

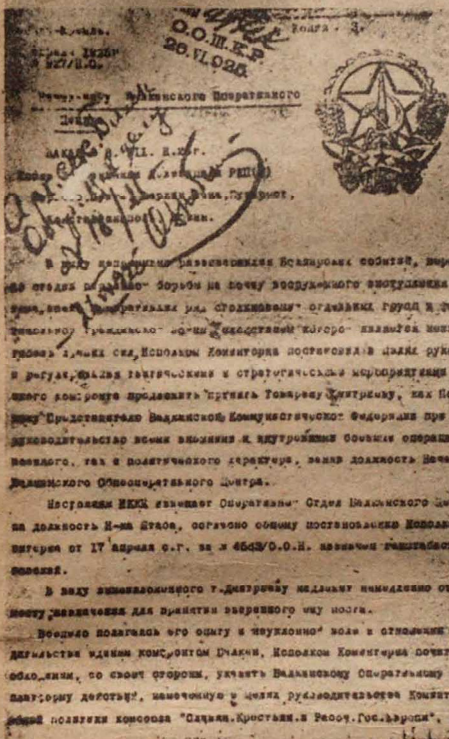
В начале 1926 г. район деятельности Дружиловского переносится в Эстонию, а затем и в Латвию, откуда он нелегально перебрался в СССР, где и был арестован 29/VI — 26 г.

Дружиловский на суде. Фот. С. Фридлянда.

Будем надеяться, что процесс Дружиловского отобьет охоту у одних изготовлять фальшивки, а у других использовать их, ибо им теперь никто уже не поверит...

В. Угрюм.

*Этот документ фальшивый
мне Дружиловский
1926. Сын исправника
Маслова. 16.07.26*

Настоящий документ был прочтен Цанковым в парламенте после взрыва в Софийском соборе и должен был доказать, что Коминтерн организует повстанческие отряды и подготавливает „общеевропейские выступления румынского, польского, чехо-словацкого, общевосточного комфронтов южной Европы, намеченные к периоду окончания сбора хлеба текущего года“. (Из книги „Антисоветские подлоги“, Литиздат НКИ, 1926 г.). Справа — подпись Дружиловского, подтверждающая подлинность фальшивки.

и в то же время для оправдания репрессий против рабочего движения своей страны.

Начиная с так называемого „письма Зиновьева“ и кончая фальшивками, якобы обнаруженными при обыске в посольских зданиях в Пекине — вопрос о сенсационных документах, инструкциях и письмах не сходит со столбов газет.

Некоторые из этих „документов“ оглашены на судебных процессах по обвинению коммунистов во всевозможных фантастических преступлениях, другие удалялись быть оглашенными министрами некоторых государств, третьи создавали материал для дипломатической переписки, а четвертые способствовали, как известно, успеху в избирательной борьбе консерваторов на выборах в парламент в Англии...

Но до последнего времени еще не было ясного представления о технике изготовления фальшивок, не была выявлена вся процедура заказа, изготовления и продажи оптом и в розницу этих „подлинных“ советских документов.

Теперь же процесс Дружиловского пролил яркий свет на ту темную закулисную игру, которая велась полицейскими и дипломатическими чиновниками вместе с подонками русской белой эмиграции, иногда под „высоким“ покровительством, в столицах некоторых европейских великих и малых держав.

журналистов и, наконец, самого болгарского посла в Берлине Попова. Но в целях лучшей коммерции Дружиловский ухитряется одни и те же „документы“ продавать разным лицам и учреждениям... Неоднократно уличенный в этом, он не теряет, однако, энергии, и в 1925 г. расширяет свое „производство“.

Особенно успешно работает Дружиловский для болгарского посла. Документы, им изготовленные, фигурировали в Софии на суде по делу о взрыве в Софийском соборе... Ими аргументировал прокурор свои требования смертной казни. Эти же документы были представлены в советских послов в Париже, благодаря чему Цанкову (премьер-министру Болгарии) удалось даже добиться увеличения вооруженных сил на 7.000 человек для расправы с рабочими и крестьянами...

Кровь десятков и сотен невинно повешенных и расстрелянных в Болгарии лежит на совести не только Цанкова и его клики, но и болгарского посла в Берлине Попова и его „друга“ Дружиловского... Не мало заданий получил Дружиловский и от сотрудников польской разведки, в частности, от польского офицера кап. Падерковского, который требовал „доказательств“ участия Москвы в организации готовившихся якобы террористических актов против польских министров. Многие „доку-

Победа советских пловцов в Париже. Команда советских пловцов, во главе с т. Н. Сухоруковым, продемонстрировала свои успехи в области свободного плавания в Париже. Советские пловцы побили пловцов из буржуазной "федерации плавания", показав рекорд длительности и быстроты. В частности, советский пловец тов. А. Шумин поплыл 50 метров в 28 секунд. Французская буржуазная печать с удивлением отмечает, что "специальные политические интересы не отодвинули на задний план вопросов спорта в СССР".

На снимках: сверху — тов. Н. Сухоруков, ниже — тов. А. Шумин.

Остроумие американского президента Кулиджа отправлялся на вакацию. Когда поезд президента остановился на маленькой станции Виллард, у салон-вагона собралась большая толпа народа. Президент был настолько добр, что вышел на площадку вагона и помахал толпе рукой. Когда некоторые

стали просить Кулиджа сказать что-нибудь, он вернулся в вагон и вывел оттуда свою собаку со словами: "Скажи им что-нибудь, Робби!"

Собаки залаяла на толпу. "Вот хорошая речь для вас!" — крикнул президент, когда поезд тронулся.

Оказывается, Кулиджа тоже бывает остроумным! Остроумна и президентская собака, с успехом заменяющая президента Кулиджа в роли оратора. На снимке: президент Кулидж со своим "заместителем", собакой Робби.

"Опиум" для Китая. Речь идет не о настоящем опиуме, который выделяется в Китае и вывозится оттуда во имя наживы европейских капиталистов, а о том религиозном дурмане, который империалисты ввозят для затемнения классового самосознания трудящихся Китая. Как известно, по всему Китаю разбросана густая сеть христианских миссий, организуемых европейскими и американскими мисси-

онерами для проповеди учения о непротиплении зла и смиренности. Эти миссионеры перубут мистически-настроенных туземцев для пропаганды христианства в среде своих сограждан.

На снимке: Симон Та-у, первый китайский епископ католической церкви, недавно получивший новый епископат в одной из провинций Китая, захваченных реакционной армией.

Последний жест англо-советского разрыва. Этот жест запечатлен на снимке: после отъезда представителя англий-

ского посольства из Москвы входная дверь в здание посольства была опечатана.

Чен Линдберга. Летчик Линдберг, совершивший первый беспосадочный перелет Нью-Йорк — Париж, продолжает оставаться героем дня во всем мире. На днях крупное нью-йоркское агентство газетных вырезок преподнесло матери Линдберга огромный альбом, в котором собрано около 300 тысяч вырезок о Линдберге из различных газет и журналов.

Среди различных знаков внимания, которых удостоился отважный летчик, выделяется чек в 25 тысяч долларов (50 тысяч рублей), преподнесенный ему Раймондом Ортейгом, как выигравшему "приз Ортейга" за первый перелет через Атлантический океан. Все предприятие с перелетом является не чем иным, как скрытой пропагандой милитаризма и, в частности, военной авиации. На снимке: чек, полученный Линдбергом.

"Лже-Дмитрий в юбке". Еще в 1920 году в Берлине объявлялась некая Чайковская, выдававшая себя за бывшую великую княжну Анастасию Романову.

Русские монархисты, живущие в Германии, усердно поддерживали эту версию, хотя едва ли кто-нибудь из них верил по-настоящему в то, что ловкая авантюристка действительно является дочерью последнего царя. После целого ряда похищений, лишь в 1926 году лже-Анастасия была разоблачена: она оказалась польской крестьянкой Франциской Шанковской, никогда не бывавшей в России и даже не говорившей по-русски.

Профессор Бишоф, директор научного института полиции при Лозанском университете, произвел тщательную экспертизу фотографий Анастасии и Чайковской, и пришел к выводу, что Чайковская — самозванка.

На снимках: слева — Анастасия, справа — Чайковская, она же Шанковская.

С настоящим номером рас-сылается книжка Ва. Маяков-

ского: "Как делать стихи". Книжка эта представляет зна-

чительный интерес — главным образом, как литературно-психологический документ, вскрывающий приемы творчества известного поэта. Книгу Маяковского прочтет не только человек, причастный к поэзии, но и любой читатель, так как поэт сумел сделать свою запись значительно шире и глубже задуманного плана.

Конрад Берковичи — современный писатель, родившийся в Румынии и живущий в Америке. За последние годы он завоевал большую популярность своими рассказами. Яркие картины своеобразного быта индейских племен увлекают читателя интересной и хорошо слепленной фавулой.

КОНРАД БЕРКОВИЧИ
ФАНУЦА
РАССКАЗЫ

Книжка Конрада Берковичи "Фануца", содержащая лучшие рассказы этого интересного писателя, вышла в Библиотеке "Огонек" и рассылается с этим номером.

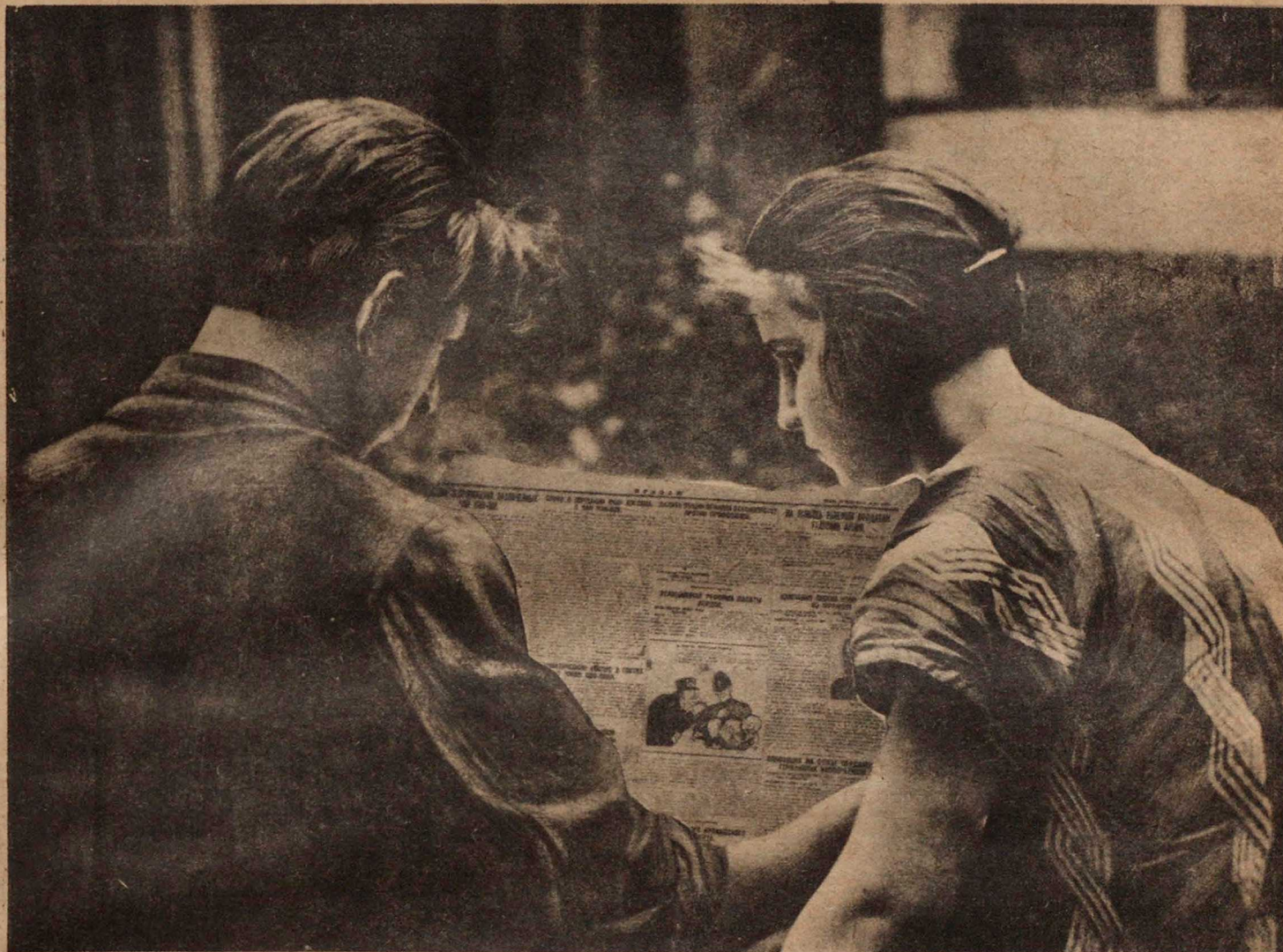

Советский дипломат на посту. Тов. А. Ульянов, временно исполняющий обязанности посла в Польше.

СВЫШЕ ШЕСТИ МИЛЛИОНОВ

книжек выпло и разошлось за короткий срок существования Библиотеки "ОГОНЕК". ОКОЛО 300 НАЗВАНИЙ дали возможность самым широким массам читателей ознакомиться с лучшими образцами советской и иностранной художественной литературы.

Новые книжки Библиотеки "ОГОНЕК": А. Аросев — Московский Совет в 1917 г.; О. Оро — Бальзак — Любовь в пустыне; В. В. Вересаев — Дуэль и смерть Пушкина; Артем Веселый — Рассказы; Вольтер — Кандид; Жорж Дюамель — Повелли; Жорж Занд — Чортово болото; Ефим Зозуля — Поразительные встречи; Мих. Зощенко — Бледнолицые братья; Бласко Ибаньес — Королева скрапа; Г. Г. Короленко — Неизданные рассказы; Михаил Кольцов — Серебряная утка; Февральский Март; В. Лидин — Рыбаки; Гюи де Мопассан — Рассказы; Поль Моран — Рейнский развлечения; Н. А. Некрасов — Повозобретенная привилегированная краска Бр. Дирлинг и К.; Л. Никулин — Ни с того, ни с сего; Мустафа Кемаль — Наша — Воспоминания; Ари Пуайль — Рассказы; Джонатан Свифт — Гулливер в Лилипутии; Алексей Толстой — Илья Ильич — Рассказы; М. Уланов — Лже-матери; Иосиф Уткин — Лирика; Н. Г. Черны-

Газету читают.

Фото-этид Е. С. Микулиной.

„ЧЕРТЫЛЬ“ И ШЛАКО-БЕТОННЫЕ ЗДАНИЯ.

Раннее утро. Тротуары еще не покрыты спешащей толпой. На углу двух улиц к газетчику подходит женщина в платочке, с корзинкой в руках.

— Дай-ка газету, — говорит она.
— Какую?
— А которая про войну пишет.
— Все про войну пишут. Как газета-то называется?

— А ты сам что ль не знаешь?
— Ты неграмотная?
— Неграмотная, — сознается женщина.
— Это дело другое, — примирительно говорит газетчик. — На вот тебе „Правду“. 8 страниц.

— О войне есть?
— Есть, есть. Пятачок с тебя.
Женщина неумело берет газету, осторожно, чтобы не измять, складывает ее и прячет в корзинку.

— Что это война заинтересовала так вас? — спрашиваю я.

— Сын в армии. Говорят, воевать будут, чтоб им ни дна, ни покрышки, моча в голову ударила.

— Кому это?
— Да известно кому! Чертылю этому самому. Взебесился проклятый.

На базаре яростная перебранка двух торговков.

— Больно ты умная! Всех хочешь быть хитрее. Смотри, кабы не надорвалась. Англия какал...

— Сама ты Англия, чтоб тебя разорвало!

— Я не Англия, я советская. Я никого не трогаю. У меня нет такого обыкновения, чтобы всех хватать прохожих за заднее место.

— Шкура барабанная!
— Ну, вы, державы, — кричит сосед. — Потихе.

У Федора Кузьмича торжество. Родилась дочь. С утра гудят. Приходят, поздравляют, хлопают пробки, откупориваются бутылки с пивом. Но отец огорчен:

— Обидела меня Марья Степановна, — говорит он.

— Девочка? — смеясь спрашивают гости.

— Девочка, — подтверждает хозяин. — Время военное, мужчины нужны, а тут такая неприятность.

— А ты постарайся в другой раз.

— Время уйдет.

— А спешить-то надо, — соглашается гость, и незаметно разговор переходит на военную тему.

Через пять минут Федор Кузьмич излагает свои мысли о ближайшем будущем, о войне, строительстве и пр.

— Возьмем, — говорит он, — наш строительный кооператив. Строим мы сейчас здание для треста. Хорошо. Как же мы его строим? Ставим шлако-бетонные стены, пустые в середине. Двухвершковые. С разделками. Это для связи. Пустое пространство заполняем сухим строительным мусором. Понимаешь?

— Понимаю.

— Мусором! — с восторгом кричит Федор Кузьмич. — И что же ты думаешь? Достигли удешевления на 30%. А быстро? И, главное, сухо будет. Это достижение или нет?

— Ясно, — соглашается гость.

— Стой, — говорит хозяин. — Теперь скажи. Если война, будем мы строить вот это самое шлако-бетонное здание? Остановка! К чертовой матери!

Вечером у ворот дома — что-то вроде домового клуба. Собираются жильцы дома и, сидя на лавках, покуривая, обсуждают разнообразнейшие вопросы. Сейчас, конечно, доминирующая тема — Чемберлен, война, Польша, наша Красная армия и пр. Сейчас дежурят „в клубе“ Прокофьевы, муж и жена, старики. Он — рабочий. Старики одни, дети повзросли, устроились, разлетелись.

— Не наше дело, — упрямо говорит старуха.

— Дура ты, — сердится старик. — Дети-то пойдут?

— Ваня пойдет, а Митя останется.

— „Ваня пойдет!“ — передразнивает старик. — Мало тебе будет, как покалечат его?

— Ой, не говори, — пугается старуха. Лицо ее делается жалким, краснеют глаза, нос, по лицу бегут слезы. Старуха сморкается в подол юбки.

— Деревня! — сердится старик. — Сколько раз говорили тебе сморкаться в платок. Нет у тебя его, что ли?

— Да забываю все.

— Старуха, — говорит старик, кладя газетку на колени и начиная раскуривать папироску, — 20 годов прожила в деревне. После 905-го за забастовку меня рассчитали. Бился целый год, ничего не мог поделать. Пришлось их отправить в деревню. Они там и прожили до прошлого года. Ну, на лето приезжал. Вот она там и одичала. — Мать! — весело кричит старик. — Одичала в деревне? Ну, не плачь. Слушай, я тебе почитаю насчет нашего воздушного флота.

ЖИЗНЬ, КАКИХ НЕМНОГО

Семен Аршакович Тер-Петросян (Камо) родился 15 мая 1882 г. в семье мещанина г. Гори, Тифлисской губернии. С раннего детства он отличался чрезвычайной резвостью и предприимчивостью, приводившей подчас в негодование окружающих. Он учился в горьском городском училище, из которого был исключен в 1895 г. „за дерзкий образ мыслей“. Тов. Коте Цинцадзе сообщает, что главным обвинителем Камо

Камо в 1922 г., незадолго до смерти.

был священник, который считал опасным держать в школе ученика, смущавшего класс непослушным вольнодумством.

16-ти лет Камо пережил тяжелое горе — смерть горячо любимой матери. Это событие сильно повлияло на его характер. Он решил ехать в Тифлис учиться. Учителями его были Джугашвили (Сталин) и Вардацки. Таким образом, он столкнулся с людьми, принимавшими участие в революционном движении. Тов. Чадриаши в № 4 „Летописи Революции“ говорит, что в 1897 г. тов. Закро привел к нему молодого человека 16-17 лет, который выразил горячее желание работать в партии, сказав: „Пока моя голова на месте, я не струшу“. В тот же день он начал переноску литературы из предместья Нахаловки, и до 1903 г. он работал в качестве технического организатора. Поводом к добродушному подраиванию для его товарищей был его неправильный русский язык. Однажды, исполнив какое-то поручение, он спросил: „Камо (вместо кому) отнестись?“ „Эх ты, Камо, Камо“ — рассмеялся Сталин. И с этого времени так и пошел он откликаться на прозвище Камо.

27 апреля 1903 года Камо участвовал в демонстрации. Он поднял красное знамя и, несмотря на натиск казаков, благополучно пронес его. В этом же году ему пришлось работать при Союзном Кавказском Комитете Р.С.-Д.Р.П. — организовать типографию Союзного Комитета и заведывать ею, а также принимать близкое участие в отправке делегатов на второй съезд партии. Его находчивость и изобретательность в изыскании способов надвигания шпиков и полиции были неистощимы. Он появлялся и в виде уличного торговца, и студента-технолога, и крестьянина, при чем так удачно умел изменять свою наружность, что даже близкие знакомые не узнавали его.

Однако, в конце 1903 года его постигла неудача. 27 октября он был арестован на Батумском вокзале с чемоданом литературы. После 9 месяцев заключения он бежал. Двор тюрьмы был обнесен стеной в пять аршин вышины, в одном месте стены он усмотрел небольшой выступ, который мог бы служить опорой. И вот однажды, во время прогулки, выбрав момент, когда часовая была далеко и отвернулась в другую сторону, он разбежался, как кошка, вскопал на выступ, на руках

валился через нее. Через несколько минут отсутствие его было замечено, но предположение о бегстве преступника через стену было так невероятно, что никто не бросился искать его за оградой, а пока обыскивали закоулки двора и здания, его и след простыл.

С этого момента Камо переходит на нелегальное положение и работает в Кавказском Союзном Комитете.

На Кавказе после дутых октябрьских свобод 1905 года начались армяно-татарские погромы. Увидя, что погромы эти перерастают рамки, поставленные его политикой, Воронцов-Дашков ради примирения с либерально-буржуазным кругом общества решил начать с ним борьбу, и с этой целью, под поручительство меньшевиков Исидора Рамизвили и Сильвестра Джигладзе велено было выдать шестьсот берданок для вооружения рабочих. В декабре, несмотря на предложение разоружиться, рабочие медлили с этим, а когда 18-го вспыхнуло восстание, рабочие с оружием в руках смогли ответить на репрессивные меры царского правительства.

Восстание было разбито, многие из участников его убиты, другие же, и среди них Камо, страшно избиты и арестованы. Городские тюрьмы были переполнены. Со всех концов города туда стонялась масса народа, и в этой неразберихе Камо удалось поменяться именем с неким Шаншиаши. После удачного ответа на допросе за Шаншиаши, Камо был в сопровождении городского направлен в участок той части, где проживал настоящий Шаншиаши, но, не доехав до участка, бежал.

Вернувшись в подполье Камо пришлось обставить свою работу величайшими предосторожностями, так как полиция его усердно разыскивала. В этот период он успешно занимался транспортом оружия, устраивал побегі заключенным товарищам. Между прочим, им блестяще задуман был и приведен в исполнение при помощи подкупа побег 3 товарищей из Метехского замка.

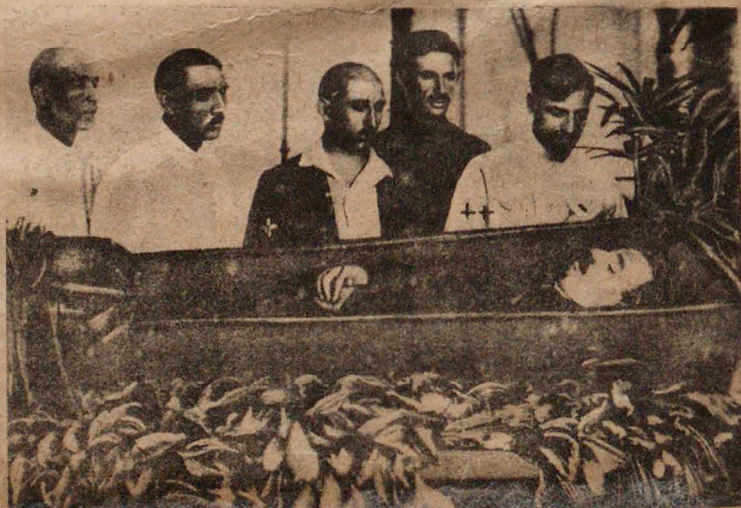
Летом 1906 г. Камо впервые поехал в Ленинград, где ему была поручена работа ответственного организатора боевых дружин и подготовка Стокгольмского объединенного съезда.

По возвращении в Тифлис он вошел в подпольную техническую группу, целью которой было увеличение средств партии, организации побегов, приобретение и хранение оружия; участниками этой группы являлись Элисе Ломинадзе, Ваню Колондадзе, Коте Цинцадзе, Бачуа Куприаши, Датику Чиабришвили и др. Первым актом этой группы была кутаисская экспроприация, принесшая в партийную кассу в назначенный Камо срок пятнадцать тысяч рублей золотом. Окрыленная успехом группа решила расширить свою работу; для этого по плану, выработанному Камо, Бачуа Куприаши и Ваню Колондадзе, оба под вымышленными княжескими фамилиями, наняли богатую аристократическую квартиру на Михайловской улице, а Камо под видом князя Дадияни, с настоящим паспортом владельца, добровольно данным либеральным помещиком, не подозревавшим, конечно, что Камо и вся рабочая партия — его

классовые враги, отправляется за оружием в Финляндию. По дороге ему пришлось ехать в одном купе с каким-то генералом, который с удовольствием беседовал с молодым кавказским князем в форме конвойца „его императорского величества“. Особенное расположение генерала его собеседник снискал, отчаянно ругая кадетов.

По приезде в Ленинград Камо вел себя чрезвычайно конспиративно, ни на один миг не забывал, что он „его сиятельство, князь“ и всем своим обликом и поведением соответствовал взятой на себя роли. Не малый переплох вызвало его похищение на конспиративной даче в Куокало, среди обитателей которой был и Владимир Ильич, весело хохотавший затем над личиной, ловко скрывавшей „кавказского разбойника“, как он называл Камо. Во время этого пребывания в Питере, Камо был связан с боевой группой, организовавшей тогда транспорт оружия и взрывчатых веществ из Финляндии. К этой группе принадлежали Александр Михайлович Игнатьев (кличка Григорий Иванович), Фанни Шмидт, Александр Авксентьевич Семенюк и другие русские и финские товарищи.

Проезжая по улицам тогдашнего Петербурга, Камо с неподражаемой небрежностью отдавал честь тянувшейся перед ним в струнку полиции и жандармам и, подкатив однажды в прекрасном экипаже к перрону бывш. Николаевского вокзала, никому другому, как стоявшему там жандарму, поручил сдать в багаж большой и тяжелый ящик, который „его сиятельству, князю“ угодно было наполнить оружием для революционных боевых дружин. Жандарм этот не подозревал, что десять рублей, полученные в награду за труды от щедрого „князя“, были им так честно заработаны. Со взрывчатыми веществами и оружием вернулся Камо в Тифлис, на подготовленную Ваню и Бачуа квартиру, и стал готовиться к организации крупной экспроприации. Во время изготовления метательного снаряда произошел взрыв, при чем Камо был ранен осколками разорвавшейся запальной трубки. К счастью, происшествие это удалось скрыть от полиции, благодаря мужеству врача, который поместил его под чужой фамилией в лечебницу. Благодаря энергии Камо группа стала получать систематические сводки, где и сколько казенных денег хранится, откуда и куда какие суммы переправляются. Таким образом, стало известно, что 23 июня 1907 г. кассир Государственного банка в сопровождении счетчика, пяти казаков и двух стражников повезут около 10 час. утра на двух фаэтонах с почты в банк 250.000 рублей. Камо задумал и организовал экспроприацию на Эриванской площади. Когда фаэтоны отъехали от почты, Пация Голдава, стоявшая

Камо в гробу. У гроба — товарищи Элисе Цинцадзе (X) и Лео Цумбадзе (XX)

перед Пушкинским сквером, дала условный знак — „тронулись!“ — стоявшему у ворот Стенко Кичкирвели, последний передал это Аниете Сулайлидзе, которая в свою очередь сообщила боевикам, сидевшим в ресторане. Бачуа Куприашвили обошел с развернутой газетой Эриванскую площадь, что было знаком приготовления к нападению. Когда фаэтоны проехали мимо Коммерческого банка, с левой стороны была брошена бомба, упавшая впереди первого фаэтона. Вмиг вся площадь окуталась дымом. Вслед за этим справа раздались еще два взрыва, за ними еще два. На площади началась неопределимая паника. Лошади стремительно разнесли охрану по сторонам, но фаэтон с деньгами понесся к Солдатскому базару. Бачуа бросился наперез и метнул бомбу под ноги лошадей, а сам силой взрыва был брошен на землю. Но тут подоспел Чиабришвили, рванул из фаэтона денежный мешок и бросился по Веняминьевской улице. Камо был на фаэтоне, когда раздался взрыв. Он, бешено ругаясь и крича, как заправский

Камо — „кн. Пулукидзе“. 1919 г.

армейский командир, стреляя из револьвера, помчался за Дотико и взял у него мешок с деньгами. В укромном месте деньги эти были запрятаны в новенький тюфяк, который, положив на голову, вынесла Маро; в условленном месте ее поджидал Камо, успевший снова преобразиться, и перенес его в кабинет заведующего обсерваторией. Когда войска оценили площадь, они не нашли никого. Все участники этого дела счастливо избежали ареста.

9 ноября 1907 г. с паспортом Дмитрия Мирского был задержан в Берлине неизвестный человек с чемоданом, в двойном дне которого оказались принадлежности к снаряжению взрывчатых снарядов значительной силы, а также кака-то загадочная машинка, повидимому — электродвигатель для производства взрывов на расстоянии, и огромное количество нелегальной литературы на русском языке. Департаментом полиции было установлено, что Мирской не кто иной, как Камо. Дело приняло очень скверный оборот. Его почтенный революционный стаж, побег из батумской тюрьмы, несколько экспроприаций и участие в вооруженном восстании, в случае, более чем вероятно, выдачи царскому правительству, вполне обеспечивали ему петлю. О побеге не могло быть и речи. По совету тов. Никитича, он стал симулировать сумасшествие. Задача эта несла в себе неслыханные трудности. Однако, необычайная сила воли Камо помогла ему выйти победителем из тяжелого положения.

Помещенный в лечебницу для буйных помешанных, он в точности изучил одного из них и стал подражать ему в мельчайших подробностях, симулируя симптомы его болезни. Ученые эксперты Гофман и Липман объявили, что обвиняемый, несомненно, душевно больной, и дали следующее заключение: „Характерные черты его поведения не могут быть симулированы в течение продолжительного времени. Так держит себя настоящий больной, находящийся в состоянии умопомрачения“. А вот заключение клиники: „В настоящее время неспособен отбывать наказание и не будет к этому способен в будущем“.

В эти тяжкие годы светлыми мгновениями для него были свидания с адвокатом, близко стоявшим к партийным кругам — Оскаром Коном, который взял на себя его защиту.

21 сентября 1909 г. Камо был препровожден германскими властями в распоряжение русского правительства, и событие это в таком виде комментировалось радикальной европейской прессой, что повесить его не решились.

В Тифлисе он подвергся повторным освидетельствованиям, и 12 мая 1911 г. окончательно было определено, что „Тер-Петросян страдает умственным расстройством в форме истерического психоза, переходящего в слабоумие в степени, исключающей возможность понимать свойства и значение совершенного им деяния и руководить своими поступками“. Поместили его в Михайловскую больницу для душевно-больных, где он и просидел до 15 августа 1911 г., откуда и бежал.

Побег этот устроила сестра его Джаваир и Коте Цинцадзе на деньги, присланные из-за границы через посредство тов. Филиа. На Кавказе были поставлены на ноги все власти: прокуратура, следовательно, жандармерия и полиция, однако Камо был неуловим. Он еще около месяца скрывался в Тифлисе, а затем, под видом ученика Технического училища, любителя велосипедной езды, перебрался в Мцхет, где принял участие в свободном празднестве, и поздно вечером с отъезжающими гостями сел в поезд. Группа батумских товарищей при помощи матросов устроила его в трюме парохода, среди груды бочек и ящиков, и он благополучно выбрался за границу.

Через несколько месяцев Камо снова вернулся в Тифлис, и 12 сентября 1912 г. им было организовано вооруженное нападение на денежную почту, следовавшую на перекладных по Коджарскому шоссе. Овладесть почтой не удалось, и 10 января 1913 г. Камо снова был арестован. 1 марта 1913 г. кавказским военно-окружным судом он был осужден и приговорен к каторжным работам на 20 лет. В 1915 году его перевезли в каторжную тюрьму в Харьков, где его держали вместе с уголовными. Оттуда его вывела революция 1917 г.

Вывавшись на свободу 6 марта 1917 г., он двинулся в Москву, а затем в Питер. Дорогой он все время горячо митинговал, так что приехал совершенно без голоса. Лечился, но так и остался у него навсегда силоватый голос. Когда Владимир Ильич увидел его, то поразился тому, как сильно подорвала каторга его здоровье, и отправил Камо на поправку в Грузию. Уже в сентябре он стал работать в Бакинском Совете и Чрезвычайной комиссии, а в мае 1919 г. с группой отчаянно сме-

лых товарищей (в их числе была и Варвара Мих. Джапаридзе) в лодке пустились через Каспийское море на Асперахале. В Москве ЦК партии поручил ему организовать группу боевиков для работы в тылу Деникина. Продвигаясь на юг, группа участвовала в нескольких столкновениях с белыми, однако происшедшие перемены на фронте заставили бросить первоначально намеченный план. Тогда Камо под именем князя Пулукидзе поехал в Грузию, где и был арестован меньшевистским правительством и посажен в Мцхетский замок. Через два месяца после выхода из тюрьмы он снова поехал в Баку, бывший тогда в руках белых, и весь отдался подпольной работе по организации и установлению в городе советской власти. После вступления в город красных войск он уехал в Москву и, свидевшись с Владимиром Ильичем, высказал ему свое желание пополнить свои знания,

Во время пребывания в тифлисской тюрьме в 1909 г. Фот. музея Революции.

в ответ на что Владимир Ильич предложил ему готовиться для поступления в Академию генштаба. Не легко было Камо усидеть за книгой, когда еще кипела гражданская война. И вот в конце 1921 г. он берет командировку в Персию. Весной 1922 г. его послали на Кавказ заведывать таможнями, где в тот момент был необходим неустрашимый человек с железной рукой. Он всюду разъезжал на своем старом, едва державшемся велосипеде, доставшемся ему от Якова Михайловича Свердлова.

17 июля 1922 г. спускаясь в 11 ч. вечера по Веринскому спуску на велосипеде, он столкнулся с автомобилем, был отброшен в сторону, ударился головой о фонарь, и через два часа его не стало. Его похоронили в Пушкинском сквере, там, где он в 1903 г. впервые поднял красное знамя. И сегодня — ровно пять лет со дня его кончины.

С. М. Т. II.

Монаршее воздействие по радио

Недавнее восстание колониальных рабов Индонезии жестоко подавлено голландской буржуазией. Голландские жандармы стараются утешить в крови стремление рабочих и крестьян Индонезии к завоеванию свободной трудовой жизни.

Королева голландская предпочитает воздействовать „высочайшим“ словом. Недавно она произнесла речь к „верноподанным“ Индонезии по радио. Мощная станция в Яйндховене передвела речь королевы на расстоянии 12 тысяч километров.

На сцене: справа — королева голландская говорит речь „к верноподанным“. Тут же стоит дочь королевы, принцесса Юлиана. Слева — туземцы Индонезии на принудительных работах по починке моста, сожженного во время недавнего восстания.

ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА

Из повести „Сорок лет“. Продолжение.*

М. Горький.

— Счетовод, — неприязненно подумал Клим. Взглянув в зеркало, он тотчас погасил ушеску на своем лице. Затем напел, что лицо унылое и похудело. Выпив стакан молока, он аккуратно разделся, лег в постель и вдруг почувствовал, что ему жалко себя. Перед глазами встала фигура „лепообразного“ отрока, память подсказывала его неумелые речи.

— „У меня — другое чувство“.

— Может быть, и я обладаю „другим чувством“, — подумал Самгин, пытаясь утешить себя. — Я — не романтик, — продолжал он, смутно чувствуя, что где-то близко тропы утешения. — Глупо обижаться на девушку за то, что она не оценила моей любви. Она нашла плохого героя для своего романа. Ничего хорошего он ей не даст. Вполне возможно, что она будет жестоко наказана за свое увлечение, и тогда я...

Он не закончил свою мысль, почувствовав легкий приступ презрения к Лидии. Это очень утешило его. Он заснул с уверенностью, что уезз, связавший его с Лидией, развязался. Сквозь сон Клим даже подумал:

— Да был ли мальчик-то? Может, мальчика-то и не было?

Но уже утром он понял, что это не так. За окном великолепно сияло солнце, празднично гудели колокола, но все это было скучно, потому что „мальчик“ существовал. Это ощущалось совершенно ясно. С поражающей силой, резко освещенная солнцем, на подоконнике сидела Лидия Варавка, а он, стоя на коленях перед нею, целовал ее ноги. Какое строгое лицо было у нее тогда, и как удивительно светились ее глаза! Моментами она умеет быть неотразимо красивой. Оскорбительно думать, что Диомидов...

В этих мыслях, неожиданных и обидных, он прожил до вечера, а вечером явился Макаров, растегнутый, растрепанный, с опухшим лицом и красными глазами. Климу показалось, что даже красивые, крепкие уши Макарова стали мягкими и обвисли, точно у пуделя. Дышал он кабаком, но был трезв.

— Приехал с Кубани Володька и третьи сутки пьет, как пожарный, — рассказывал он, потирая пальцами виски, приглашая двухцветные вихри. — Я ему сочувствовал, но больше не могу! Вчера к нему пришел дякон, друг его, а я сбегал. Сейчас иду туда снова, бесконечно меня Владимир, он человек неожиданных уклонов. Хочешь — пойдем со мной? Лютов будет рад. Он тебя называет двоеточием, за которым следует неизвестно что, но что-то оригинальное. С дяконом познакомишься — интересный тип! А, может быть, и Володьку несколько охладить. Идем?

Климу было любопытно посмотреть, как страдает неприятный человек.

— Напьюсь, — подумал он. — Макаров скажет об этом Лидии.

Через час он шагнул по блестящему полу пустой комнаты, мимо зеркал в простенках пяти окон, мимо стульев, чинно и скучно расставленных вдоль стен, а со стен на него неодобрительно смотрели два лица: одно — сердитого человека, с красной лентой на щеи и яичным желтым медальоном в бороде; другое — румяной женщины, с бровями в палец толщиной и брезгливо отвисшей губой.

По внутренней лестнице в два марша, узкой и темной, поднялись в сумрачную комнату с низким потолком, с двумя окнами. В углу одного из них взвизгивал жестяной вертун форточки, вгоняя в комнату кудрявую струю морозного воздуха.

Среди комнаты стоял Владимир Лютов в длинной, по щиколотки, ночной рубашке, стоял, держа гитару за конец грифа, и, опираясь на нее, как на дождевой зонт, покачивался. Присматриваясь к вошедшим, он тяжело дышал, под растегнутой рубашкой выступали и опадали ребра; было странно видеть, что он так костляв.

— Самгин? — вопросительно крикнул он, закрыв глаза, и распротер руки; гитара, упав на пол, загудела, форточка ответила ей визгом.

Клим не успел уклониться от объятий, Лютов тискал его, приподнимал и, целуя мокрыми, горячими губами, бормотал:

— Спасибо... Я очень... очень...

Подтащил его к столу, нагруженному бутылками, тарелками, и, наливая дрожжащей рукой водку в рюмки, крикнул:

— Дьякон, иди! Это — свой.

В углу открылась незаметная дверь, вошел, угрюмо усмехаясь, вчерашний серый дякон. При свете двух больших ламп Самгин увидел, что у дякона три бороды — длинная и две покороче; длинная росла на подбородке, а две другие спускались от ушей, со щек. Они были мало заметны на сером подряснике.

— Ипатьевский, — нерешительно сказал дякон, до боли крепко тиснув костлявыми пальцами ладонь Самгина, и медленно согнулся, поднимая гитару.

Макаров, закрывая форточку, кричал на хозяина.

— Пневмонию схватить хочешь?

— Костя, задыхаюсь!

Стремительные глаза Лютова бегали вокруг Самгина, не в силах остановиться на нем, вокруг дякона, который разгибался медленно, как будто боясь, что длинное тело его не уместится в комнате. Лютов обожженно вертелся у стола, теряя туфли с босых ног; садясь на стул, он склонялся головою до колен, качаясь надевал туфлю, и нельзя было понять, почему он не падает вперед, головою о пол. Взяв пальцами сивые волосы дякона, он взвизгивал:

— Самгин! Вот человек! Даже не человек, а храм! Молитесь благодарно силе, создающей таких людей!

Дякон углубленно настраивал гитару. Настроив, он встал и понес ее в угол, Клим увидел перед собой великана, с широкой, плоской грудью, обезьяньими лапами и костлявым лицом Христа ради юродивого. Из темных им на этом лице отвлеченно смотрели огромные водянистые глаза. Налив четыре больших рюмки золотистой водки, Лютов объявил:

— Польская старка! Бьет без промаха. Предлагаю выпить за здоровье Алены Марковны Теленевой, бывшей мой невесты. Она меня... она отказала мне, Самгин! Отказалась солгать душой и телом. Глубоко, искренно уважаю — ура!

— Ура, — повторил дякон замозгиленным басом.

После двух рюмок необыкновенно вкусной водки, и дякон, и Лютов показались Климу менее безобразными. Лютов даже и не очень пьян, а только лирически и до ярости возбужден. В его косых глазах горело нечто близкое иступлению. Он вопросительно оглядывался, и высокий голос его

внезапно, как бы от испуга, ниспадал о шопота.

— Кости! — кричал он. — Ведь надо иметь хорошую душу, чтоб отказаться от больших денег?

Макаров, усмехаясь, толкал его к дивану и уговаривал ласково:

— Ты сядь, посиди спокойно.

— Стой! Я — большие деньги, и — больше ничего! И еще я — жертва, приносил историй себе самой за грехи отцов моих.

Остановясь среди комнаты, он взмахнул руками, поднял их над головой, как будто купальщик, намеренный нырнуть в воду.

— Когда-нибудь на земле будет жить справедливое человечество, и оно на площадях городов своих поставит изумительной красоты монументы и напишет на них...

Он задохнулся, замгал и взвизгнул:

— И напишет: „Предшественникам нашим, погибшим за грехи и ошибки отцов“. Напишет!

Клим видел, как под рубашкой трясутся ноги Лютова, и ждал, что из его вывихнутых глаз потекут слезы. Но этого не случилось. После взрыва отчаянного восторга своего Лютов вдруг как будто отрезвел, стал спокойнее и, уступив настояниям Макарова, сел на диван, стирая рукавом рубахи вдруг и обильно вспотевшее лицо свое. Клим находил, что купеческий сын страдает весьма забавно. Он не возбуждал каких-либо добрых чувств, не возбуждал и снисходительной жалости; наоборот, Климу хотелось дразнить его, хотелось посмотреть, куда еще может подпрыгнуть и броситься этот человек. Он сел на диван рядом с ним.

— Вы очень хорошо сказали о монументах...

Лютов, крутя головой, обвел его воспаленным взглядом, закачался, поглаживая колени ладонями.

— Поставят монументы, — убежденно сказал он. — Не из милосердия, — тогда милосердию не будет места, потому что не будет наших накожных страданий, — монументы поставят из любви к необикновенной красоте правды прошлого; ее поймут и оценят, эту красоту...

У стола дякон, обучая Макарова играть на гитаре, говорил густейшим басом:

— Согните пальцы круче, крючковатей...

— Вы извините меня, — заговорил Клим. — Но я видел, что Алина...

Лютов перестал гладить колени и сидел согнувшись.

— Она, в сущности, неумная девушка...

— Женское в ней умное.

— Мне кажется, она не способна понять, за что надо любить...

— При чем здесь — „за что“? — спросил Лютов, резко откинувшись на спинку дивана, и взглянул в лицо Самгина обжигающим взглядом. — „За что“? — это от ума. Ум — против любви... против всякой любви! Когда его преодолела любовь, он извиняется: люблю за красоту, за милые глаза, глупую — за глупость. Глупость можно окрестить другим именем... Глупость многоименна...

Он вскочил, подошел к столу и, схватив дякона за плечи, стал просить:

— Егор, почитай о неразменном рубле... Ну, пожалуйста!

— При незнакомом человеке? — вопросительно и смущенно сказал дякон, взглянув на Клима. — Хотя мы, как будто, уже встречались...

Клим любезно улыбнулся.

— Смолоду одержим стихотворной страстью, но конфужусь людей просвещенных, понимая убожество свое.

Дьякон все делал медленно, с тяжелой осторожностью. Обильно посыпав кусочек хлеба солью, он положил на хлеб колечко лука и поднял бутылку водки с таким усилием, как двухпудовую гиру. Наливая в рюмку, он прищурил один огромный глаз, а другой выкатился и стал похож на голубиное яйцо. Выпив водку, открыл рот и гулко сказал:

— Х-хо!

А прежде чем положить хлеб с луком в рот, он, сморщив ноздри длинного носа, понюхал хлеб, как цветок.

Лютлов стоял, предостерегающе подняв правую руку, крепко растирал левой неровно отросшую бородку. Макаров, сидя у стола, сосредоточенно намазывал икрой калач. Клим Самгин, на диване, улыбался, ожидая неприличного и смешного.

— Ну, вот,—сказал дьякон и начал проточно, раздумчиво, не громко:

Не спалось господу Иисусу.
И пошел господь гулять по звездам,
По небесной, золотой дороге,
Со звездами на звездочку ступая.
Провожали господа Иисуса
Николай, епископ Мирликийский,
Да Фома-апостол,—только двое.

Слушать его было трудно, голос гудел гулко, церковно, мям и растягивал слова, делая их невнятными. Лютлов, прижав локти к бокам, дирижировал обеими руками, как бы укачивая ребенка, а иногда точно сбрасывая с них что-то.

Думает господь большие думы.
Смотрит вниз,—внизу земля вертится.
Кубарем вертится черный шарик,
Чорт его железной цепью хлещет.

— А?—спросил Лютлов, подмигнув Климу, лицо его вздрогнуло круглой судорогой.

— Не мешай,—сказал Макаров.

Клим все еще улыбался, уверенно ожидая смешного, а дьякон, выкатив глаза, глядя в стену, на темную гравюру в золотой раме, гудел:

Выл я там,—сказал христос печально,
А Фома-апостол усмехнулся
И напомнил:—Чай, мы все отсюда.
Поглядел христос во тьму земную
И спросил угодника Николаю:
«Кто это лежит там, у дороги?»
Пынный, что ли, сонный, аль убитый?—
«Нет!»,—ответил Николай угодник.—
«Это, просто, Васыка-Калужанин
О хорошей жизни замечтался».

Закрыв глаза, Лютлов мотал встрепанной головой и беззвучно смеялся. Макаров налил две рюмки водки, одну выпил сам, другую подал Климу.

Тут христос, мечтателям мирволя,
Опустился голубем на землю.
Встал пред Васыкой, спрашивает Васыку:
«Я—христос, узнал меня, Василий?»
Васыка перед богом—на колени.
Умился духом, чуть не плачет.
«Господи!»—бормочет,—«вот так штука!
Мы тебя сегодня и не ждали!
Что ж ты не сказало мне заранее?
Я бы обил народ тебе навстречу,
Мы бы тебя встретили со звоном,
Всем бы нашим, Живиринским уездом!»
Усмехнулся Иисус в бородку.
Говорят он мужику любовно:
«Я ведь на короткий срок явился,
Чтоб узнать: чего ты, Вася, хочешь?»

Лютлов протянул левую руку Самгину и, дирижируя правой, шепнул со свистом:

— Слушайте!

Васыка-Калужанин рот разинул,
Обомлел от радости Василий,
И потом, слюну глотая, шепчет:
«Дай же ты мне, господи, целковый,
Знаешь, неразменный этот рублик,
Как его ни трать, а не истратишь,
Как ты ни меня—не разменяешь».

— Гениально! — крикнул Лютлов и встряхнул руками, как бы сбрасывая что-то под ноги дьякону, а тот, горестно изогнув брови, шевеля тройной бородой, говорил:

«Денег у меня с собой—нету.
Денег у Фомы, у казначей,
Он теперь Иуду замещает»...

Лютлов уже не мог слушать. Подпрыгивая, извиваясь, потеряв туфли, он шлепал голыми подошвами и кричал:

— Каково? А? Ка-ко-во?

Подняв лицо и сжатые кулаки к потолку, он пропел гнусавым голосом старенького дьячка:

— «Неразменный рублик подай, господи!»
Нет, Фома-то, а? Скептик Фома на месте Иуды, а?

— Прекрати судороги, Володька,—грубо и громко сказал Макаров, наливая водку.— Довольно неистовства! — прибавил он сердито.

Лютлов оторвался от дьякона, которого обнимал, наскочил на Макарова и обнял его:

— Ты все о моем достоинстве заботишься? Не надо, Костя! Я знаю, не надо. Какому дьяволу нужно мое достоинство, куда его? И — «не заграждай уста, вола молотница». Костя!

Самгин был удивлен и растерян. Он видел, что красивое лицо Макарова угрюмо, зубы крепко стиснуты, глаза влажны.

— Ты, кажется, плачешь?—спросил он, нерешительно улыбаясь.

— А что же? Смеяться? Это, брат, вовсе не смешно, — резко говорил Макаров.— То-есть — смешно, да... Пей! Вопроситель... чорт знает что! Мы, русские, кажется, можем только водку пить и безумными словами все ломать, искажать и жутко смеяться над собою, и вообще...

Он отчаянно махнул рукой.

Климу стало неловко. От выпитой водки и странных стихов дьякона он вдруг почувствовал прилив грусти: прозрачная и легкая, как синий воздух солнечного дня поздней осени, она, не отягощая, вызвала желание говорить всем приятные слова. Он и говорил, стоя с рюмкой в руках против дьякона, который, согнувшись, смотрел под ноги ему:

— Очень оригинально это у вас. И неожиданно. Признаюсь, я ждал комического...

Дьякон выпрямился, осветил побуревшее лицо свое улыбкой почти бесцветных глаз.

— Комическое—тоже имеется; это ведь сочинение длинное, восемьдесят шесть стихов. Без комического у нас нельзя — неправда будет. Я вот похоронил наверное не одну тысячу людей, а ни одних похорон без комического случая не помню. Вернее будет сказать, что лишь такие и памятливы мне. Мы ведь и на самой горькой дороге о смешное спотыкаемся, такой народ!

Иаломанно свалившись на диван, Лютлов кричал, просил:

— Оставь, Костя! Право бунта, Костя...

— Бабий бунт. Истерика. Иди, облей голову холодной водой.

Макаров легко поднял друга на ноги и увел его, а дьякон, на вопрос Клима: что же сделал Васыка-Калужанин с неразменным рублем?—задумчиво рассказал:

— Вернулся христос на небо, выпросил у Фомы целковый и бросил его Васыке. Запил Василий, загулял, конечно, как же иначе-то?

Пьет да ест Васяга, девок портит.
Молодым парням гармонь дарит,
Стариков—за бороды таскает,
Сам орет на всю Калужку землю:
«Мне плевать на вас, всемыне люди,
Я хочу—грешу, хочу—спасюсь!»
Все равно: мне двери в рай открыты,
Мне христос—приятель закадычный!

— А ужасный разбойник поволжский Никита, узнав откуда у Васыки неразменный рубль, выкрал монету, влез воровским манером на небо и говорит христу:—«Ты, христос, неправильно сделал, я за рубль на великие грехи каждую неделю хожу, а ты его лентяю подарил, гуляке, — нехорошо это!»

Вошел Лютлов с мокрой, гладко причесанной головой, в брюках и рубашке-косоворотке.

— Конеч, конеч скажи!—закричал он.

Дьякон усмехнулся:

— Да ведь я говорю! Согласился христос с Никитой: «Верно, говорит, ошибся я по простоте моей. Спасибо, что ты поправил дело, хоть и разбойник. У вас, говорит, на земле все так запуталось, что разобрать ничего невозможно и, пожалуй, берно вы говорите, сатане в руку, что доброта да простота хуже воровства». Ну, все-таки, пожаловался, когда прощались с Никитой: «Плохо, говорит, живете, совсем забыли меня». А Никита и сказал:

—Ты, христос, на нас не обижайся.
Мы тебя, Иисус, не забываем,
Мы тебя и ненавидим—любим,
Мы тебе и ненавистью служим.

Глубоко, шумно вдохнув, дьякон сказал:

— Вот и конец.

— Никто не может понять этого! — закричал Лютлов. — Никто! Вся эта европейская мордва никогда не поймет русского дьякона Егора Ипатьевского, который отдан под суд за кощунство и богохульство из любви к богу! Не может!

— Это—правда, бога я очень люблю,—сказал дьякон просто и уверенно.—Только у меня требования к нему строгие: не человек, жалеть его не за что.

— Стой! А если его нет?

— Утверждающие сие — ошибаются.

Вмешался Макаров.

— Бога — нет, отец дьякон, — сказал он, тоже очень уверенно. — Нет, потому что—глупо все.

Лютлов взвизгивал, срамливая сперщиков и говорил Самгину:

— Знаете, за что он под суд попал? У него, в стихах, богоматерь, беседуя с дьяволом, упрекает его: «Зачем ты предал меня слабому Адаму, когда я была Евой, — зачем? Ведь, с тобой живя, я бы землю ангелами заселила!» Каково?

Клим слушал и его возбужденный, сверлящий голос, и глуховатый бас дьякона:

— Конечно, это громогласной медью трубит, когда маленький человечек вселенную именует глупостью, ну, а все-таки это смешно.

— Женщина создана глупо...

— На этом я согласен с вами. Вообще, плоть, будто бы, на противоречиях зиждется, но, может быть, это потому, что пути слияния ее с духом еще не ведомы нам...

— Вы, церковники, издеваетесь над женщиной...

Лютлов толкал Клима, покрикивая с восторгом:

— Кто посмеет говорить о боге так, как мы?

Клим Самгин никогда не думал серьезно о бытии бога, у него не было этой потребности. А сейчас он чувствовал себя приятно охмелевшим, хотел музыки, пляски, веселья.

— Поехать бы куда-нибудь,—предложил он. Лютлов повалился на диван, подобрал ноги под себя и спросил, усмехаясь:

— К девчонкам? Но ведь вы, кажется, жених? А?

— Я? Нет,—сказал Самгин и неожиданно для себя добавил: — Та же история, что у вас.

Он тотчас поверил, что это так и есть, в нем что-то разорвалось, наполнив его дымом едкой печали. Он зарыдал. Лютлов обнял его, начал тихонько говорить утешительное, ласково произнося имя Лидии; комната качалась, точно лодка, на стене ее светился серебристо, как зимняя луна, и ползал по дуге, как маятник, циферблат часов Мозера.

— Ты очень не нравишься мне,—говорил Клим, всхлипывая.

— Всем не нравлюсь.

— Ты — революционер!

— Все мы революционеры...

— Значит, Константин Леонтьев прав: Россию надо подморозить.

— Дурак! — испуганно сказал Лютлов. — Тогда ее разорвет, как бутылку.

И крикнул:

— А, впрочем, чорт с ней! Пусть разорвет, и чтобы — тишина!

Продолжение в следующем номере.

ВСЕНАВЕРХ!

Очерк Юрия Либединского. Снимки С. Фридлянда.

I.

Я на носу парохода. Нева величаво раздвигает Ленинград. Рельеф его могучей гавани, строгие линии его дворцов—все это уходит назад, а впереди—широкие, всюющие солью пространства воды, впереди—Кронштадт, в морском тумане, в дыму эскадры, Кронштадт, уже показавший золоченую макушку храма, уже протянувший к обоим берегам, по самому

отношениями, которые свойственны первой молодости, другие—с грубой и забубенной чувственностью, воспитанной в мужчинах веками.

А многие ничего не говорят—сидят задумчивые на носу парохода, о чем-то думают... Вот один паренек, с высоким лбом и пушистыми бровями, сероглазый и смуглый, дребезжаще тихо и высоко запевает: „По морям“... Ему подтягивают, и они поют, лежа на кана-

—Тревога?—Тревоги никакой нет, чего ж тревожиться?!

Я чувствую, что неудачно задал вопрос. Повторю его по-другому.

—Ну, вы-то, понятно, не тревожитесь, вы сверхсрочный, старший, ну, а которые помоложе?

По ответить ему не дали. Заговорил другой, безусый и быстрый:

—Молодые! Да мы хоть сейчас. Да мы всех бодрее. По первому свистку боцмана—„все паверх“—мы всегда готовы.

—Легше, легше, — с неудовольствием, но спокойно-сдерживающе говорит рыбой. Насчет бодрости это пустяки, все бодр. Ты, видите ли, товарищ, ребят сдерживать приходится, нам то-есть, ну, которые постарше. Митинг вот у нас был, так вот тут молодые кричали: „Даешь Лондон, и никаких гвоздей!“ Ну, известно, скоро сказка сказывается.

Мы молча идем дальше. Я искоса поглядываю на собеседников. Они разговаривают о своем. Оказывается, этот постарше, рыбой, с медленными и взвешенными словами, похожими на его скорые движения — старший, остальные ребята—его подчиненные. Он что-то поучающе говорит о распорядке нарядов на неделю.

И в обыденности их разговоров чувствую я отголоски того крепко сложившегося воинского порядка, который перерабатывает тысячами миллионный молодняк нашей страны и готовит его на тот случай, если нам помешают делать то дело, которое мы начали десять лет тому назад. Очевидно, этот порядок с незаметной и властной силой вошел в этих ребят настолько, что стал сейчас их обыденной жизнью.

III.

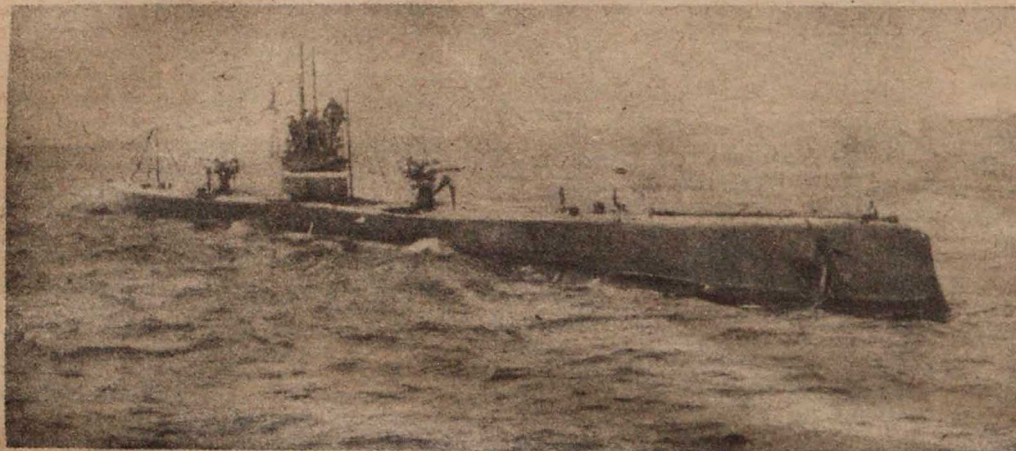
Все утро мое ушло на то, чтобы пройти тройную систему охраны нашего флота, но эти препятствия радовали меня тем, что я представлял, с какой пристальной осторожностью, с какой подозрительностью пришлось бы иметь дело каждому, кто пытался бы злоумышлять против нашей морской мощи. Но вот все препятствия пройдены. Наша подводная лодка—длинное и сухощавое стальное тело—уходит из порта и уносит меня на себе. Сигнальщик взмывает флаги на мачте, мы выходим из ворот порта.

Море оживленно. Легкий ветер гонит парусные лайбы, и, пользуясь им, они, чуть наклонившись, уходят в открытое море; ослепительно белый немецкий пароход справа огibt Кронштадт.

А поодаль, в блеклых северных красках моря и неба, в неярком блеске зелени и голубизне — черно-синие грозные дымки эскадр, могучие синие утюги линкоров, подобранно-хищные тела эсминцев...

Вначале я только жадно взираю. Все это для меня совершенно новое. Но вот мы все дальше и дальше отходим от порта, вот миновали мы первую металлическую крепость — линкор „Октябрьскую Революцию“ — и обмелели с ним товарищеским приветствием.

В момент нашего отхода от порта была

Подводная лодка на ходу.

горизонту, ровные черточки своих фортов. Весь пароход набит военморами. Прошло два дня отдыха, да и дни для Ленинграда выдались на редкость погожие и солнечные, и после отпуска военморы возвращаются к своей работе. Вглядываясь в лица, я прошел по их однообразной толпе. Приятная широкость скул, крепкие улыбочные рты, хорошо посаженные шеи, глаза чуть косоватые, золотистые и веселые—обычные лица передовой рабочей молодежи. И говор тоже знакомый. Здесь ровная и быстрая волна ленинградского говора, широкие и звонкие звуки московского, оканье ярославцев и владимирцев, характерный грубоватый и раздолбный говор волжского понизовья... Но море наложило на этих ребят один общий отпечаток: он и в большей четкости движений, и в заглубившей обветренности лиц. Сейчас на их лицах то безмятежно усталое выражение, которое бывает у спортсменов после игры, у проживших счастливый день детей. Они переговариваются, пересмеиваются, но основной тон того ровного гудения человеческих голосов, который стоит на пароходе, напоминает затихающие вечером сонные звуки птичьего гомона.

Говорят больше всего о женщинах, с которыми они проводили эти дни. Одни—с тем веселым восхищением собой и подругой и своими

тах и мешках, поют, глядя на растущий впереди, все яснее и четче вырисовывающийся Кронштадт, и за пением их я ощущаю напряжение какого-то глубокого чувства.

О чем они?

Об этих проведенных днях, заполненных молодыми радостями, о родных и друзьях, с которыми они разлучены, о стройном распорядке своей боевой работы, или же о том, о чем думаю и я здесь, рядом с ними, о растущей там, за морями, угрозе тому делу, которое мы все с разных концов и по-разному делаем?

II.

Прозрачно-синяя, светлая полночь. Этот тихий городок прямизной своих улиц похож на Ленинград. Чувствуется, что его планировал тот же гениальный деспот, безжалостно мостивший крестьянскими костями эти берега, чтобы проложить путь к торговым путям тому классу, который теперь уже гниет, а тогда еще беспомощно трепыхался в пеленках. И Кронштадт, могучий сторож этого пути, первый провозгласивший в 1917 году советскую власть, стоит у выхода в море и сторожит могучие пролетарские массивы Ленинграда.

—Где здесь гостиница, товарищ?—спрашиваю я.

Лицо широкое и сильно

рыбое, высокая грудь. Рядом с ним—еще трое, и ростом поменьше, более вертлявые, не так тверды их шаги, не так уверенны движения. Мне разъясняют, и мы дальше идем рядом.

—Давно в Кронштадте?—спрашиваю я.

—Пятый год.

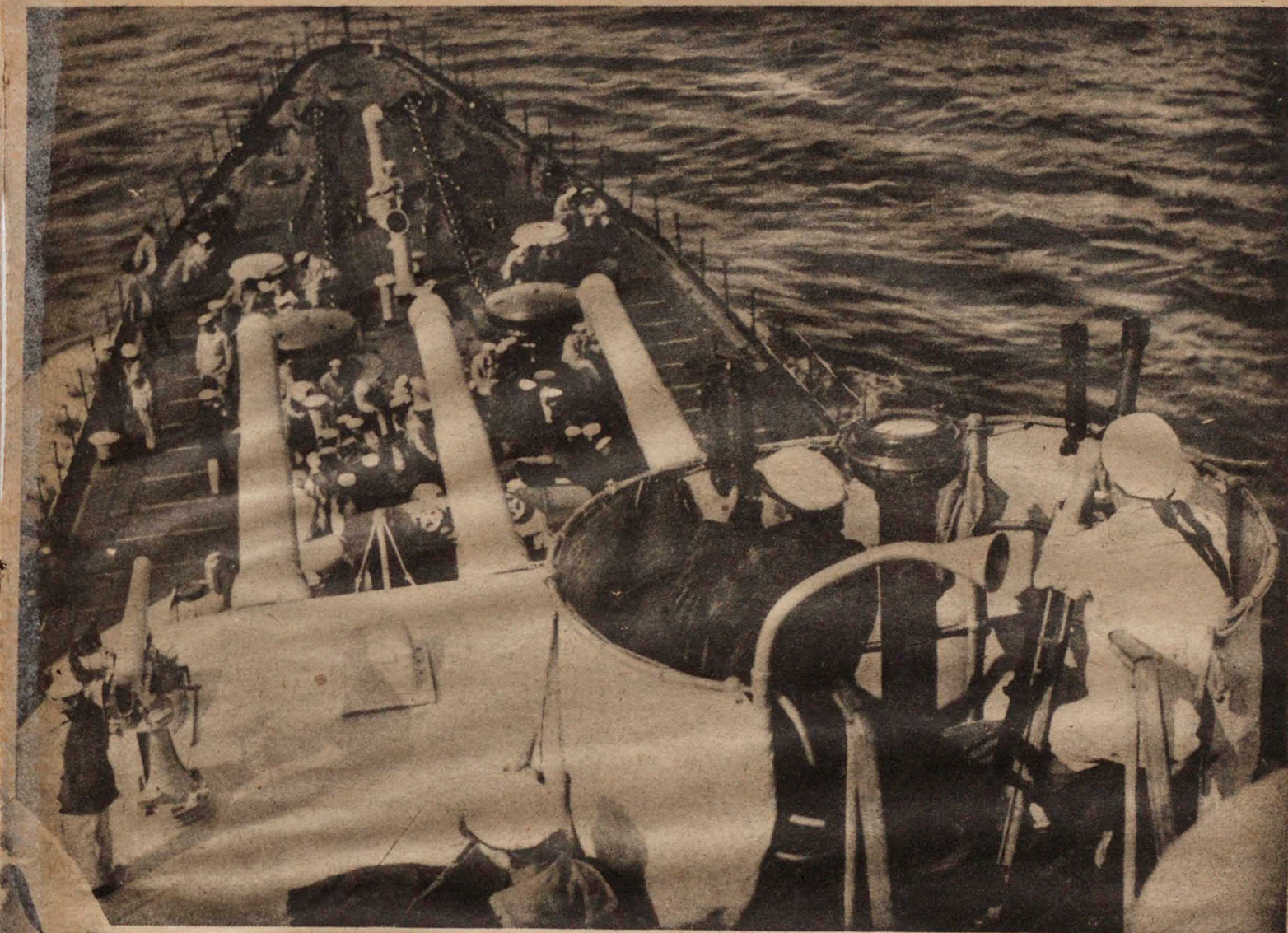
—Ну и как, не надоело?

Недоуменный взгляд.

—Раз сверхсрочно сам остался, значит, не надоело.

Спрашиваю насчет постар-

На борту военного судна.

и окружен однообразно чудовищными резиновыми подобиями лиц, с громадными круглыми стеклянными глазами, без век и бровей, и чудовищно вздернутыми носами. Да, вот они—чудовища современной войны, фабрики огненной и железной смерти, вот они, их сокрушительные станки,—громадные пушки, рядом с которыми люди кажутся такими незначительными... И эти маски приобретают для меня характер глубочайшего символа. Разве все это не такая же маска, которую, обороняясь, одел весь наш Советский Союз? И хорошо, что у нас есть такая маска! И раз капитализм вызвал к жизни современную войну и сам страшился ее, и не может с ней совладать, то мы совладаем с ней, поставив могучую стихию современных войн на службу интернациональной коммунистической революции. И во имя ее мы в любой момент оденем прекрасное лицо нашего социалистического отечества такой же грозной и страшной маской — и разрушительная стихия, вызванная к жизни капитализмом, обратится против него.

Но вот положенное время прошло. Свисток, и все торопливо снимают маски и обнаруживают запотевшие красные лица. Команда возится около орудий, готовит их к учебной стрельбе.

Все на судне весело, четко и деловито. Ведь все, включая комиссара и командира, по возрасту едва ли далеко ушли за тридцать, а большинство в возрасте до 25 лет...

И оглядываясь назад. Кронштадт уже пропадает в голубой дымке. Эскадра уже позади нас. И вот мы у цели. Впереди забелела мишень, холстяной пловучий щит. Судно

щиту. И вот все существо мое потрясает одно громовое звучание. Взмetyвается короткий и быстрый огонь, и снаряд с воем уходит в сторону мишени, вода дрожит длинным и глухим отзвуком, и вот около самой мишени взмetyвается белый фонтан пены. Так идет артиллерийское учение.

Еще один снаряд потрясает воздух и воду.

И я вижу, до какого крайне напряженного предела доходит та веселая деловитость, которую я заметил еще до стрельбы.

— Результаты хорошие,—говорит убежденно начальник по окучиванию учения, когда мы приблизились к щиту, и артинструктор считает дыры, сияющие голубизной в холстине.

— Все-таки процент попадания не очень уж велик,—говорит кто-то.

— Да ведь важен не процент попадания и самый щит. Ты заметь, что почти все снаряды легли около щита. Ну, а представь себе, что там английское судно, попадание было бы большое,—убежденно говорит он.

Так говорить может только человек, который связал себя крепкими, быть может, им самим неосознанными нитями с тем делом, за которое со всей глуби-

рются эти вот комсомольские ребята. Да, если бы там стояло английское судно, ему бы, пожалуй, не поздоровилось.

IV.

Погружение! Уже с надводной части лодки снято все, что можно снять. Уже все мы сошли вниз, в глубину подводной лодки, и снизу

ЗАГУБЛЕНА ЖИЗНЬЮ

Буржуазный закон гласит: семья — основа общества, свободная любовь — разврат. А жизнь говорит: пролетарий не знает семейного счастья, буржуя не знает супружеской верности. Когда дочь доброго буржуа предается свободной любви, это на-

Лиза Коломак.

зывается „легкомыслием“, когда дочь пролетария делает то же самое, то это наказуемо. А если ее мать об этом знает, то она — сводница.

Недавно в Германии произошел следующий случай.

В Бремене, этом вольном городе старой Ганзы, высокий суд торжественно вынес приговор над гражданкой Коломак: восемь месяцев тюремного заключения. Очень снисходительно, ибо прокурор требовал казни.

Чем провинилась эта гражданка? Оказывается, она написала книгу о своей несчастной дочери Лизе. Лиза была красивая девушка. Она посещала танц-классы, кафешантаны, знакомилась там с мужчинами. Но она была дочь бедного мастерового, а в стране царил инфляция, доллары были в высоком почете. Мужчины „лучшего“ общества заманивали Лизу, более „опытные“ подруги увлекали ее все далее и далее. Лиза заболела, одна из „подруг“ принесла на нее, полиция нравов наложила свою беспощадную лапу на это беспомощное существо, отправила ее в виллу „Солнечный Луч“, где помещается местная больница для венериков. Лиза после тяжелых страданий умерла там от недопустимого обращения врачей.

Ее мать написала книгу в защиту своей дочери. „Загублена жизнью“ — назвала она эту книгу, которая прокричала на весь мир печальную историю покойной девушки. Тяжелые обвинения обрушила она на хранителей буржуазной морали, на полицию нравов, на порядки в вилле „Солнечный Луч“. Печать ухватилась за эти разоблачения, книгу стали читать с любопытством. „Как! Возможно ли нечто подобное в нашей республике? Расследовать, расследовать!“ — кричали газеты. Но возмущены были также и добрые граждане Бремена: „Эта женщина осрамила наш родной город!“ Еще сильнее был ропот полиции, юстиции: „Как смеет пролетарка нас критиковать?“

Прокурор отыскал соответственный параграф. По этому параграфу подлежит наказанию каждый, кто поощряет разврат.

Гражданка Коломак предстала перед бременским судом по обвинению в сводничестве; она-де торговала своей собственной дочерью.

Гражданка Коломак была отправлена в тюрьму, как виновница гибели своей до-

Мать Лизы, автор книги „Загублена жизнью“

чери, как деркалая обличительница той жизни, которой она посмеда приписать гибель несчастной Лизы.

Ал. Гроссман.

смотрим, как командир, забравшись на лесенку и глядя в сияющие солнцем стекла, отдает через слуховые трубки сложную команду во все концы судна: выравнивает его перед тем, как погрузить... Подводная лодка — экономнейшая машина: в небольшом пространстве своем вмещает она могучие и точные аппараты различных видов ее движений и управления и подводной боевой работы. Мы погружаемся. Сверху закапала морская вода, верхние стекла зазеленели. Я смотрю в перископ и вижу что-то, похожее на кадр из кино-фильма, кусок моря с дымками эскадры. Совсем рядом идут парусники, и трудно себе представить, что они совсем не рядом, а над нами.

Вот убираем мы перископ. Стекла зеленеют. Темно и грозно. Я привикаю к ним. Лодка рыщет в зеленых глубинах залива, и белые пузыри бегут за таинственным ее ходом. Мне объясняют, что сейчас момент самого опасного действия лодки, что вот именно сейчас страшна она, тогда, когда она бесшумно подкрадывается к грозному дредноуту и выпускает губительную торпеду, результатом которой является гибель надводного гиганта.

— Ну, а есть шансы, что могут вас заметить? — спрашиваю я.

— Конечно, есть, — усмехаясь, говорит начальник. — Мало, конечно, но все-таки есть. Ну, тогда нашего брата не щадят.

Я опять смотрю в молодые, сейчас подобранные для работы, на 100% сосредоточенные в ней лица команды. Их четкая работа около машин напоминает мне, что ведь эти ребята до военной службы тоже стояли у станков.

Да, сейчас я в маленькой и грозной фабрике на дне моря. Рационализированная до последнего предела фабрика, которая может превратиться в ужасный подводный

там, на родных и привольных пространствах страны, продолжали строить и растить социализм...

Мы поднимаемся из воды. Стекла светлеют все ярче и ярче. Отвинчиваем крышку, выходим наружу. Вокруг соленый хвойный воздух, и радостно дышать им после машинной электрической духоты подводной лодки.

Мы возвращаемся в Кронштадт. Я завожу разговор с комиссаром о качестве команды.

— А как повлияли последние события?

Комиссар помолчал. Он, видимо, перебирал все свои разнообразные впечатления за последние дни.

— Так что говорить! Помог нам Чемберлен. Особо он нам политическую работу облегчил, — сказал он. — Да и стрельбу-то вот, видали?

— Крепко наше дело! — думаю я, — если сам Чемберлен с Болдуином взялись преподавать политграмоту нашему флоту!

V.

У Кронштадта с англичанами свои старинные счеты. Вот здесь, в эту тихую гавань, ворвались торпедные катера англичан и потопили „Андрея Первозванного“; вон там, в открытом море, поднимают другого затопленного гиганта. А вот тут, на этой зеленой площадке, англичане во время митинга бросили бомбу с аэронавта и убили 13 детей. А вот это здание взорвано ими же... И сейчас Кронштадт полон воспоминаниями этих дней.

Прозрачной поздней ночью возвращался я в сопровождении одного товарища кронштадта к себе в гостиницу. Разговор шел именно об этих днях.

Когда мы прощались у гостиницы, кругом было пусто, и только слышимый и пья-

друг другу руки. Я сказал товарищу громко:

— Будешь в Москве, обязательно заходи ко мне.

И вот тут пьяный вмешался в наш разговор.

— Так ты в Москве передай, что Кронштадт стоит крепко, ты скажи, что мы вот грудью...

Это был высокий старик. Его ссохшееся лицо поросло уже верно, с Пасхи, не бритой седой щетиной. Он крепко сжимал кулак, потрясал им в воздухе, и я подумал о том напряжении, которое сейчас испытывает эта сложнейшая система людей и смертоносных машин.

— Ты передай, что мы все ляжем костями, все, но Кронштадта мы не отдадим. — Мы и Чемберлена, и Керзона... Так ты передай.

— Обязательно передам, — сказал я.

— Ну вот, — у него уже был другой, размятченный и дружественный, тон. — И дай, друг, закурить папиросу.

— У меня нету, отец, не курю я.

Он, видимо, огорчился, но тут же протянул мне руку, очевидно, чтобы показать, что если он сейчас говорил такие гордые и звонкие слова, то это происходило не только потому, что ему захотелось закурить.

— Давай пять, — сказал он. И я ощутил его твердую заостренную за долгую трудовую жизнь ладонь. — Так ты передай в Москве. Передай, что Кронштадт стоит крепко, и ежели что, так все ляжем. Все, — сказал он всхлипнув.

Я хотел бы, чтобы этот очерк был напоминанием и нашей красной столице, и всей нашей стране, что у Балтийских ворот ее твердо и зорко держит стражу одетый грозную маску советского флота — Кронштадт.

Молодежь в деревне.

Фото-этнод А. Иванова.

СОВРЕМЕННЫЕ ЧАСТУШКИ

Из материалов, собранных газетой „Бедnota“.

Для того, чтобы понять настроение современной деревни, прислушайтесь к ее песне... Старая, протяжная обрядовая поэзия умирает. С приходом нового быта, новых веяний, новых настроений, ей на смену приходит часто развеселая и разудалая, часто грустная и тоскующая частушка. Обычно четырехстрочная. Ее родина — фабричный поселок, где царит частый ритм машины. Под этот ритм частит свои песни новая, советская молодежь. На „деревенской улице“, — так называются группы молодежи, шествующие по праздничным дням под предводительством гармониста по улицам деревни и выкликающие частушки, — на вечеринках и беседах, на завалянке, в кружке, под сопровождение пляски — русского, камаринского, во время кадрили — всюду царит единодержавно и полноправно частушка... Или нет, не „частушка“ — это название деревенское. Там эту песенку зовут — прибауткой, писней, ихакоткой, страдальной, мотаней, прибаломом и еще многими, многими другими наименованиями. Главная тема частушки — любовь. Целая „наука любви“ — от первой встречи с милым и до измены и горького расставания. Подвыпившие ребята поют хулиганские, почти разбойничьи, и все — и девушки, и парни — веселые, шуточные частушки. Но наряду с ними деревня все больше и больше проникается современностью. Нардом, комсомол, изба-читальня всколыхнули молодежь. Старики недовольны, старики ругаются, а молодежь:

Что хотите, говорите,
Но по-нашему не быть,
На комсомольское собрание
Не закажете ходить.

Верховск. вол., Новосильского у., Орловской губ.

Будем, девочки, почаще
С комсомольцами гулять,
Комсомольцы нас научат
Книжки Ленина читать.

Романовская вол., Балашевского у., Саратовской губ.

Комсомольские ребята
Жизнь веселую ведут,
Топоры у всех на славу —
На субботничек идут.

Подосиновский район, Сев.-Двинск. губ.

Нардом, нардом —
Высокое звание,
Приучили нас, ребят,
Ходить на собрание.

Романовская вол., Балашевского у., Саратовской губ.

Женщина-раба ушла в область преданий.
Женщина стала гражданкой — деле-

гаткой и женотделкой, и вот как поет об этом частушка:

Теперь мой милый ждет, пождет,
На лице — страданье,
А у нас теперь идет
Женское собрание.

Козловский у., Тамбовск. г.
Мой платочек кружевной,
С розовой отделкой,
Я была простой женой,
Стала — женотделкой.

Алисовская вол., Курской губ.,
Ах, кофта моя,
Красная заплатка.

На гуляньи. Фот. А. Иванова.

Мой милочек комсомолец,
А я делегатка.

Новосильский у., Орловской губ.

В деревню проникает радио: большая
новость, удивительное, чудесное нововве-
дение:

Раньше жили, как во тьме,
Не видали свету,
А теперь мы можем слушать
Радио-газету.

Балашевский у., Саратовской губ.
Перед перьям вылез радий
И кричит на все пути:

„Вера — опий! Поп — обманщик!
Бога в небе нетути!“

Халтуринский у., Вятской губ.
Стоит радио на улице,
Орет на подседа,

Тетка Митревна с испугу
Не во время родила.

Халтуринский у., Вятской губ.

Тетка древняя Феклуша,
Дед столетний Радивон
Пришли лекцию послушать
Из Москвы по радио.

Халтуринский у., Вятской губ.

Красная армия теперь уже не пугало,
не ужас, подобный старой солдатчине, а
источник света и просвещения:

Я не буду любить
Образованного,
Из Красной армии дождусь
Образованного.

Уральская область.

Бабка вышла провожать
В армию с иконами.
Или, бабка, лучше спать, —
Мы с красными знаменами.

Алисовская вол., Курской г.

В Красную армию собирались,
Говорил мне отец:
Не заслужишь красный орден —
На ходи домой, подлец!

Тотемский у., Вологодской губ.

Современность все больше и больше
проникает в деревню. Старики и старухи
в ужасе:

Дед Мирон проклял всю землю:
„Комсомольцы — сволочи!
Милу внучку из ячейки
Увожу за волосы!“

Халтуринский у., Вятской г.

Старается и религия, но тоже безуспешно:

Вогородицу носили
Бабы в нашем во селе,
На всю полость они были —
Только поп навеселе!

Жиздринский у., Брянской г.

По деревне поп идет,
Ведет сборы с фигой,
У попа отбили хлеб
Комсомольцы киегою.

Минская губ. и у.

Нарожденного ребенка
Я к попу не понесу,
Пусть по-новому живет.
Путем Ленина идет!

Балашевский у., Саратовской г.

Изменилась Сибирь, еще три-четыре-пять
лет тому назад поддерживавшая всевоз-
можных генералов, а теперь:

Ах, яблочко,
Сбоку велено,
Променили Котчака
Мы на Ленина!

Томский округ.

А вот и „наш ответ Чемберлену“, настоя-
щий, деревенский, бесцензурный!:

Ты расти, расти в окопе,
Сила молодецкая,
Скоро в Западной Европе
Вудет власть советская!

Подосиновский район, Тамбовской губ.

Скоро, скоро снег растает,
С нашей речки лед сойдет,
Скоро, скоро по всем странам
Революция пройдет.

Козловский у., Тамбовской губ.
Н. Засаров — Мясный.

КОНКУРС РАССКАЗОВ „ОГОНЬКА“

ОТ ЖЮРИ КОНКУРСА РАССКАЗОВ

Жюри конкурса рассказов журнала „Огонек“, рассмотрев полученные на конкурс произведения, присудило объявленную премию в 200 руб. рассказу „ДЕВЯТЫЙ НОЖ“, присланному автором под девизом „...Рвите колючую проволоку империализма“. По вскрытии конверта АВТОРОМ ОКАЗАЛИСЬ ТОВ. ЭРДЕЛИИ, МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ (Таганрог). Следующий премированный рассказ будет напечатан в очередном №-е „Огонька“.

ДЕВЯТЫЙ НОЖ

Премированный рассказ М. Эрделли.

Знойный полдень в Шанхае.

По широкой улице двигается человеческое море, увлекающее с собой пешеходов с тротуаров. Элегантные иностранцы и одетые в шелк купцы едут в рикшах, которые, обливаясь потом, тащут кули.

На углах главных улиц—английские полицейские.

Длинными бамбуковыми палками они бьют каждого китайского рабочего, осмелившегося перейти с улицы на тротуар...

А громадная площадь, сплошь усеянная мелкими будочками торговцев и разносчиками товаров, кишит другим народом—потным, измызганным и истомленным от полуденного зноя.

Человеческая лавина неподвижна—словно стоячее, смрадное болото.

Сегодня — праздничный день и, кроме того, первое мая.

Нужно как-то использовать этот день.

А куда пойти бедному китайцу, как не на базар, где он встретит бесчисленное множество таких же бедных китайцев, где посмотрит на уличных фокусников и акробатов и на другие развлечения?

Вот там, на маленькой площадке, напоминающей размерами своими пятак, у белоснежной доски, два брата-китайца—Чан-Кай-ли и Джан-Шин—разложили свой длинный ковер и чем-то забавляют окружающих их публику.

Подойдем поближе и посмотрим, что там делается.

...Длинный, отточенный нож летит стрелой, как чайка; летит, сверкая, как синяя молния, и возникает в белую, пахнущую смолой, доску, стоящую за головой Джан-Шина.

Двенадцать остро-отточенных длинных ножей должны тесным кольцом окружить несчастную голову Джан-Шина. Тесным кольцом, чтоб убаженная публика бросила братьям несколько медных монет.

Мечет ножи старший брат—Чан-Кай-ли. Бросив нож, Чан-Кай-ли отступает на два шага назад и берет очередной.

Последний нож будет лететь с двадцати пяти шагов.

Прежде чем метнуть этот последний, двенадцатый нож, Чан-Кай-ли лишний раз удостоверится в крепости своих мускулов.

Синяя молния, длиннее всех остальных, вырывается из его руки, несется, словно стрела, вперед и впикивается в оставшееся свободное место на доске — в последний свободный сантиметр.

Толпа, теснившаяся вокруг коврика братьев и притаившая дыхание, как один человек, облегченно вздыхает. Раздаются одобрителыне возгласы и аплодисменты в честь искусных артистов—Чан-Кай-ли и его младшего брата Джан-Шина, играющего в этом искусстве не пассивную роль.

Ведь надо быть чрезвычайно смелым и отважным человеком, чтобы не дрогнуть и не моргнуть в то время, когда ему прямо в голову летит длинный отточенный нож!

Вот почему с такой гордостью Джан-Шин после каждого сеанса задирает вверх рубашку и, хлопнув ладонью по своему голому животу, восклицает: „Хо!“, что по-китайски означает—хорошо.

А, действительно, есть чем и погордиться: семь лет подряд, изо-дня в день, на всех многолюдных площадях Шанхая Чан-

Кай-ли и Джан-Шин показывают свое искусство и мужество. Семь лет, изо-дня в день и... без единого промаха.

— Промажнешься ли ты, наконец, когда-нибудь?—с кривой усмешкой спросил стоявший у двери своей лавченки старый, толстый торгош, похожий скорее на обливашую гориллу, нежели на человека.

— Если когда-нибудь промахнусь, то не миновать тебе—старой обезьяне—доски: брата заменю тобой! — ответил спокойно Чан-Кай-ли и стал с усилием вырывать из доски ножи, готовясь к следующему сеансу.

А в это время Джан-Шин выполнял вторую свою обязанность — с чашкой в руках обходил он зрителей.

С грустью посмотрели братья на почти пустую чашку—сегодня сбор был плохой...

Адский грохот, словно рухнуло двадцатипятиэтажное здание, раздался вблизи. Толпа, привыкшая к нему и знавшая, что это значит—бросилась врассыпную.

Торговцы, словно мыши, выиг вырнули в свои лавки-норы и закрылись.

Площадь опустела в одно мгновение.

Братья также хотели последовать примеру толпы, но длинный ковер, который нужно было свернуть пять раз, не дал им возможности бежать.

Тем временем площадь снова наполнилась бегущим в панике народом. Бежали с пристани портовые рабочие, бежали мужчины и женщины, подхватывая на ходу своих детей, бежала рабочая молодежь, а за ними яростно неслись краснолицые люди в защитной форме, с ружьями на перевес, люди в шлемах, чуждые китайскому народу пришельцы, которых в Шанхае просто называют „они“.

Толпа, прижимаясь к стенам, металась из стороны в сторону.

Братья же скрылись за будочкой торгоша, откуда им было видно обычное для Шанхая, грустное зрелище.

Люди с ружьями, отчаявшись, очевидно, нагнали толпу, сделали еще несколько последних выстрелов.

Но тут произошло то, чего никак не ожидали братья.

На ковер их грузно рухнул, бежавший от преследователей, портовый рабочий. В руках он держал и крепко прижимал к груди красный флажок. Раненый дернулся в судорогах несколько раз и застыл навеки. Случай был слишком обычный для Шанхая, чтобы он мог особенно сильно возволновать братьев. Их больше всего огорчал и беспокоил намокший от крови ковер. Ведь у них он погиб, а другого у них нет! Что делать?

Люди в шлемах на этот раз пришлось довольствоваться малым, — их ненависть должна была удовлетвориться только единственной жертвой. К мертвому подошел с хлыстом и револьвером в руках начальник этих людей. С перекошенным от злости и ненависти лицом посмотрел он на огромного, растянувшегося во всю длину ковра, мертвеца, с отвращением толкнул его в бок и еще раз выстрелил в него, произнес на своем языке какую-то отчаянную ругань.

Раздалось несколько энергичных команд, после чего люди, построившись, зашагали вслед за ним с площади, оставив убитого необузданным. А что случилось особенного?

Обычный уличный инцидент, и только! Правда, завтра в местной газете в нескольких строках хроникер расскажет о случившемся убийстве китайца, личность которого не выяснена, но не забудьте, что по всем признакам убитый принадлежит к преступным подонкам общества! И, в самом деле, ведь в конце-то концов все китайцы—преступники, все они подонки!

Впрочем, инцидент был совершенно исчерпан. Китайцы слишком возмнили о себе и зазнались, и за это китайцев наказали; разговор с подонками—короткий.

На следующее утро толстый торгош, похожий на гориллу, по обыкновению разложил свой товар на прилавок и заявил всем покупателям, что сегодня все стало чуть дороже. Должен же он покрыть убытки, понесенные из-за того, что накануне, по непредвиденным обстоятельствам, торговля его была сорвана?

— Убитый рабочий? Забудьте о нем! Вот поглядите на эту прелестную канчу!...

Ковер артистов, разостланный на площади, совершенно высох, и на нем, как единственная память о вчерашнем происшествии, выделялось лишь огромное кровавое пятно.

Джан-Шин по привычке стал перед своим щитом, а Чан-Кай-ли, взяв двенадцать ножей, предложил публике тщательно осмотреть их. Честность братьев была известна всем так же великодушно, как и их непогрешимое искусство. Однако, отказываясь от осмотра, согласно китайским обычаям, было невежливо, и стоявшие тут же впереди, попробовав на палец отдельно каждый нож, вернули их артисту.

И вот снова замелькали синие молнии... Первый нож, второй, третий... восьмой... Доска, точно магнит, притягивает их к себе...

Чан-Кай-ли остановился, сурово сдвинув брови, хотя он был на совсем близком расстоянии до своего брата...

— Нет сомнения, что сейчас он промахнется,—произнес не без лукавства торгош. Но Чан-Кай-ли почему-то медлил...

Он смотрел не на цель... глаза его были устремлены куда-то вдаль—поверх головы своего брата.

Там — этот ненавистный колониальный шлем, а под ним тупое, скушающее от безделья, лицо вчерашнего „героя-начальника“. Говорят, что убийцу всегда тянет на место совершенного им злодеяния.

Шлем зевнул, прикрыв рот ладонью: — Ах, эти противные китайцы так однообразны всегда: у них, конечно, есть безукоризненная ловкость, но изобретательности, представьте, ни на грош...

Коротенькая синяя молния... Девятый нож, и... шлем покатылся...

Еще грузнее вчерашнего рабочего рухнул на землю, с торчащим в горле длинным ножом, один из тех, которых в Шанхае называют „они“.

Торгош, похожий на обливашую гориллу, единственный раз в своей жизни был прав: за все семь лет Чан-Кай-ли промахнулся в первый раз.

М. Эрделли.

Примечание. Подобный случай, действительно, произошел в Шанхае в 1926 г., летом.

1 Канча—китайская пешковая материя.

РЕКА СОВЕТОВ

Волга впадает в Каспийское море. Это известно малым детям. Но что Волга будет впадать и в Азовское море—это проблема, которая разрешается сейчас квалифицированными специалистами, техниками, инженерами.

Проводится огромная работа по осуществлению Волго-Донского канала.

Волга со своими притоками орошает область в $1\frac{1}{2}$ млн. квадратных километров, с населением в 45.000.000 жителей.

Волжский бассейн включает в себя земледельческие районы, составляющие почти $\frac{2}{5}$ всей хлебной производительности русской равнины; с волжским бассейном связан Уральский горно-заводский район.

В 1913 году Волга транспортировала на своей могучей груди свыше миллиарда пудов груза. На Волге богатели, наживались миллионеры; в бешеной горячке строили они пароходы, баржи для перевозки хлеба, железа, наливные баржи для нефти.

Мудрено ли, что в гражданскую войну так жестока была схватка на Волге.

Много могла бы рассказать Волга о боях, происходивших на ней. На Волге действовал пролетарский красный флот, организовавшийся со стихийной быстротой. В сентябре 1918 года в Нижнем Новгороде был организован впервые отряд добровольцев-волгарей, которые на теплоходах дрались за освобождение реки.

А сестра Волги—Кама?

Велико было и ее участие в кровной схватке с белыми. Река была превращена, по описанию летописцев революции, в огромную водную ленту, начиненную минами.

Сейчас волжский флот—достойное государства. Сейчас на Волге напряженно работают над тем, чтобы вернуть Волжской водной системе ее бывшее значение. Около 600 миллионов пудов будет перевезено по Волге в текущую навигацию.

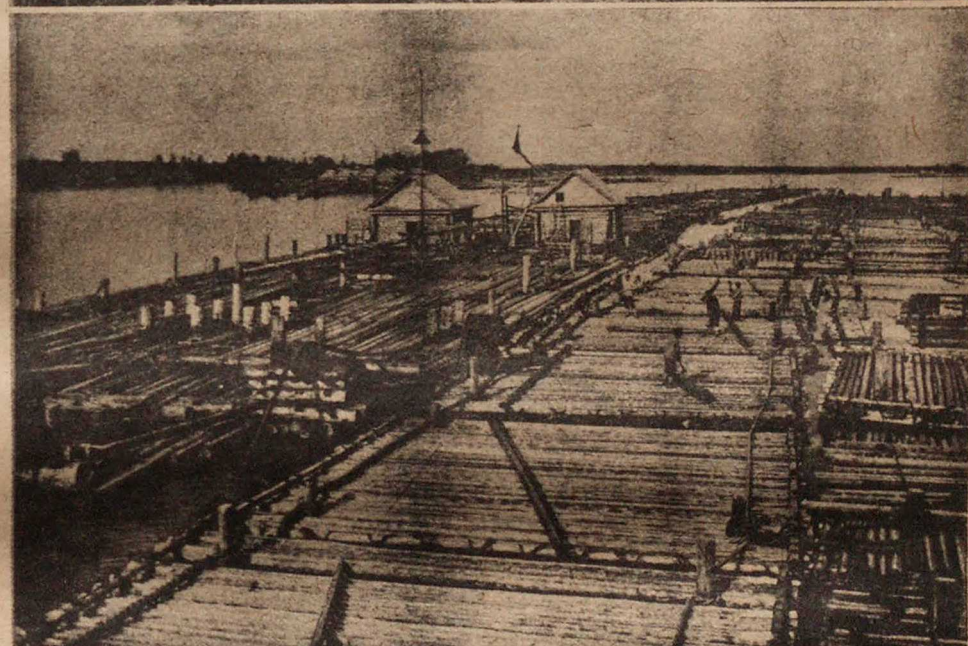
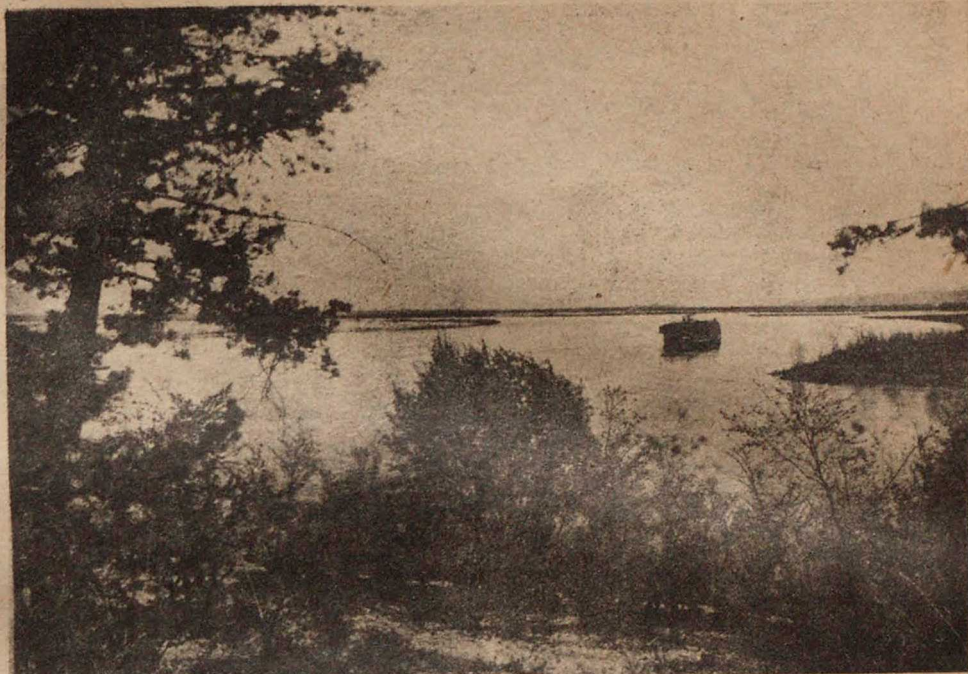
Река перебрасывает десятки миллионов пудов цемента, леса, хлеба, рыбы. Бегит пароход из Нижегородского порта, через ряд городов Волги до Астрахани, а оттуда на рейд к Каспийскому морю, где перегружают людей, товары на морские суда, отправляющиеся в Туркестан, Персию, Азербайджан, Дагестан.

В 1929 году предполагается довести грузооборот на Волге до довоенной нормы. Около 50 миллионов рублей намечается затратить государством в предстоящее пятилетие на пополнение тоннажа на реке. Для сотен тысяч трудящихся Волга является курортом, на котором они проводят свои отпуска.

Под Казанью переплетается тесно Волга с многоводной Камой, одним из важнейших торговых путей древности.

Через Волго-Донской канал свяжется она с Азовским морем, тогда будет единый путь от Таганрога, Азова или Ростова до Энзели, Баку, Петровска или Нижнего Повгорода.

Два огромных внутренних советских моря—Азовское и Каспийское, а между ними гигантский речной путь—Волга, Дон, Кама!

На снимках: верхнем—Ветлуга (приток Волги) в половодье; нижнем—скрепление плотов перед отправкой вниз по Волге.

Через два года Волга будет иметь довоенный грузооборот.

А через пять лет, намеченных для осуществления Волго-Донского канала—она будет служить для переброски нескольких миллиардов пудов.

Волго-Донской канал, приближающий момент, когда река сольет свои воды с Азовским морем, несет первой в Европе реке новую полосу развития великого водного волжского пути.

С. Бройде.

Землетрясение в Крыму

Пулково.

26 июня 1927 г.

Землетрясение в Крыму, по силе своей значительно превосходившее все вообще отмеченные в Крыму землетрясения, оценивается учеными от 6 до 8 баллов при двенадцатибалльной системе. Подобного землетрясения Крым не знал в течение 200 лет. По вопросу о причинах, его вызвавших, существуют некоторые разногласия. Проф. Левинсон-Лессинг полагает, что непосредственной

причиной землетрясения явился подземный провал, происшедший где-то в недрах почвы. Существование в Крыму известняков с большими внутренними пещерами способствует этому. На южном берегу Крыма значительное развитие получили оползни, объясняемые действием подземных вод, создающих неустойчивость слоев земли. В результате достаточно сравнительно небольшого сотрясения почвы для получения большого эффекта по внешнему виду. Наблюдаемые же разрушения, как-то—трещины в каменных зданиях и т. д.—тоже нельзя объяснить силой землетрясения, а, скорее, недостаточной прочностью построек, нескрепленных цементом.

Иначе высказывается проф. В. А. Обручев, объясняющий происхождение землетрясения причинами чисто тектонического характера, и доказательство этого видно в распространении землетрясений по обширной части Украины и в наиболее сильном проявлении по юж-

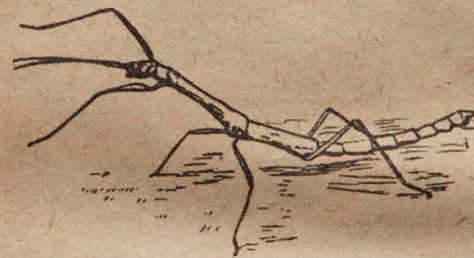
КУДЕСНИК НА ЦИРКОВОЙ АРЕНЕ

Очерк акад. В. М. Бехтерева.

Реклама, как известно, не знает границ. Особенной крикливостью отличается цирковая реклама. Чтобы произвести наибольший эффект на собравшуюся в цирке публику, цирковые артисты нередко прибегают к вовлечению самой публики для контроля того, чем хочет поразить цирковой артист зрителей.

До начала первого представления рассылаются от дирекции цирка личные повестки ученым, с приглашением на „общественный просмотр опытов известного европейского гипнотизера То-Рамо, с участием представителей медицины, науки, искусства, прессы, затем, конечно, обозначен доклад самого То-Рамо.

Ну, конечно, идут профессора, и каждый приход профессоров делает новую рекламу То-Рамо — химику из Австрии, забросившему свою научную карьеру по специальности и ныне работающему под факира и принявшему для большей сенсации новое имя на санскритском языке „То-Рамо“, т. е. „Покорителя“. Специалистов

Насекомое каравзус (палочник) в нормальном состоянии.

в соответствующий момент просят на арену, где цирковой артист продвигает свое традиционное представление.

Дает ли То-Рамо что-либо необычное в своих представлениях?—Если взять его опыты с гипнозом животных, то они не представляют особой новизны, ибо искусственный гипноз над животными известен науке еще с XVI столетия.

Гипноз наблюдается и в естественных условиях жизни животных в виде так называемого „оцепенения“ жучков, пауков, при внезапном сотрясении почвы, на которой они ползут, в виде оцепенения птички перед глазами змеи, в виде мнимой смерти вышних животных при внезапных и сильных внешних раздражениях.

Что касается другой формы представлений То-Рамо, относящихся к прокалыванию иглами своего тела, то и это не составляет какой-либо особой новости. На всемирной выставке в Париже в 1900 г. целая группа арабских факиров „аисе“ производила более поразительные представления — без всяких признаков боли они производили пронизывание длинными иглами щек, языка, глазных яблок, рук и других частей тела. При этом крови от вколов не появлялось. Мало того, они становились голыми пятками на отточенное лезвие ятагана, вносили пламя в рот, и т. п. Объяснения давались самые различные. Но вскоре стали появляться их подражатели то там, то в другом месте. Как известно, у То-Рамо в Ленинграде еще во время его представлений явились подражатели — „разоблачители“. И эти „разоблачители“ производили более или менее аналогичные То-Рамо представления. Но все же, повидимому, „разоблачители“ ничего не разоблачили. Дело в том, что в опытах этого рода обыкновенно говорят о самовнушении и вызванной им анестезии, но можно говорить и о внутреннем волевом усилии, сдерживающем путем тренировки всякие проявления болевого раздражения от прокалывания иглами. Если мы знаем, что некоторые лица путем самовнушения могут ускорить и даже останавливать свое сердце, то можно ли сомневаться, что этим же

путем можно вызывать не только местную анестезию, но и местный спазм сосудов, представляющих, по меткому выражению французских врачей, „периферическое сердце“. Известно, что у истеричных под влиянием самовнушения развиваются даже стигматы на кожной поверхности в виде местных кровотечений. А в моем круге наблюдений имеются случаи полного излечения бородавок путем самовнушения в течение не более двух недель.

Искусственно вызываемый гипноз у животных является воспроизведением естественного гипнотического состояния.

Гипноз животных не отличается какими-либо существенными особенностями от гипноза у людей.

В виду особого значения слов, как знаков, замещающих внешние воздействия у человека, особую роль в отношении вызывания гипноза играет, наряду с кожными, зрительными раздражениями, словесное воздействие.

Что касается То-Рамо, то гипнотизирование животных он производит преимущественно фиксированием взгляда, т. е. приемом, давно известным и в цирковой прак-

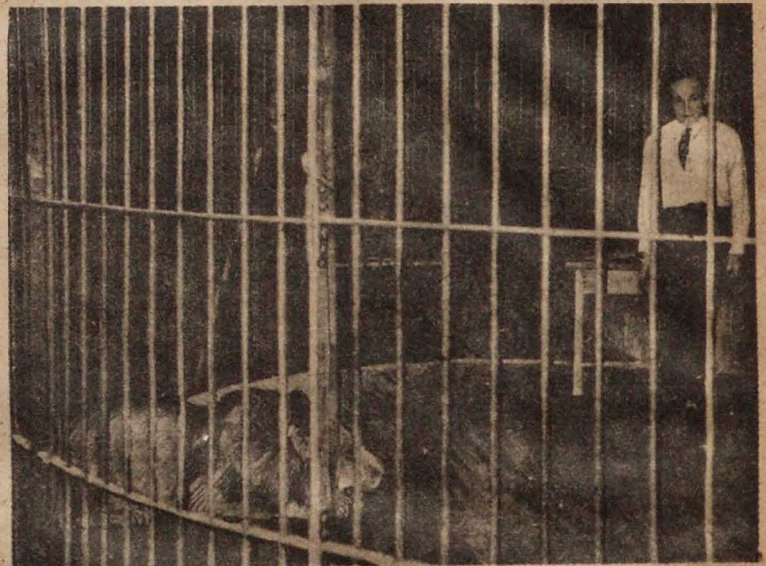
Загипнотизированная курица, в которую воткнуты булавки, в состоянии гипноза ничего не чувствует.

тике и в науке. Надо признать, что с дикими хищниками такие приемы воздействия путем фиксации их взгляда представляются и наиболее безопасными.

Вообще говоря, все животные легко гипнотизируются не только зрительными, но и кожными или осязательными раздражениями.

Можно ли, поэтому, удивляться, что То-Рамо путем самовнушения способен вызывать местную анестезию кожи, сопровождающуюся спазмом сосудов, благодаря чему вколы большой иглы в мягкие части руки оказываются безболезненными, при чем на месте вколов не появляется и крови. У всех людей болезненностью отличаются, в сущности, лишь кожные покровы и надкостница, тогда как прокол мышц не дает особо болезненных явлений. К тому же болезненность много зависит от быстроты прокола, ибо чем последний производится быстрее, тем менее и болезненность, которая к тому же всегда быстро проходит. Поэтому ловкие люди, умеющие себя сдер-

живать и отвлекаться от самого вкола, могут воспроизводить глубокие проколы через кожу и мышцы и без проявлений

То-Рамо в клетке льва.

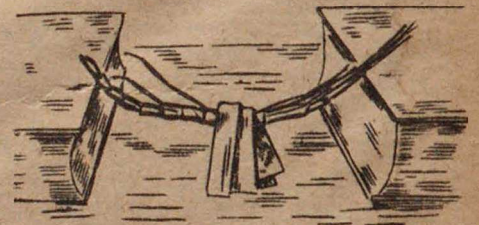
Фот. С. Фридлянда.

болезненности, а мгновенно произведенный прокол при смещении кожи может и сам по себе не дать наружного кровоизлияния. Таким образом, вышеуказанные явления могут быть воспроизводимы как при самовнушении, так и путем торможения рефлекторных проявлений от вкола, путем внутренних усилий.

Остается выяснить вопрос о том, почему не происходит при этих вколах непромытыми иглами какого-либо заражения. В этом нет ничего удивительного, и, прежде всего, потому, что благодаря эластичности кожи инфекционные начала при проникновении иглы через наружные покровы как бы счищаются с поверхности иглы, оставаясь на наружных частях кожных покровов. Не так давно у истеричной больной, в одной из ленинградских клиник, путем рентгенизации были обнаружены сотни игл в ноге, и ни одна из них не дала нагноения, между тем при хирургическом извлечении этих игл, благодаря разрезам, в одну из ранок была занесена зараза, и ранка нагноилась.

Наконец, не следует упускать из виду, что при многократном вкалывании игл у таких профессионалов, как То-Рамо, возможно уже и развитие так называемого иммунитета, т. е. неспособности к заражению. В конце концов, вкалывание больших игл является зрелищем, которое само по себе сильно поражает публику, но в действительности не представляет собою особенно болезненного, а тем более опасного явления.

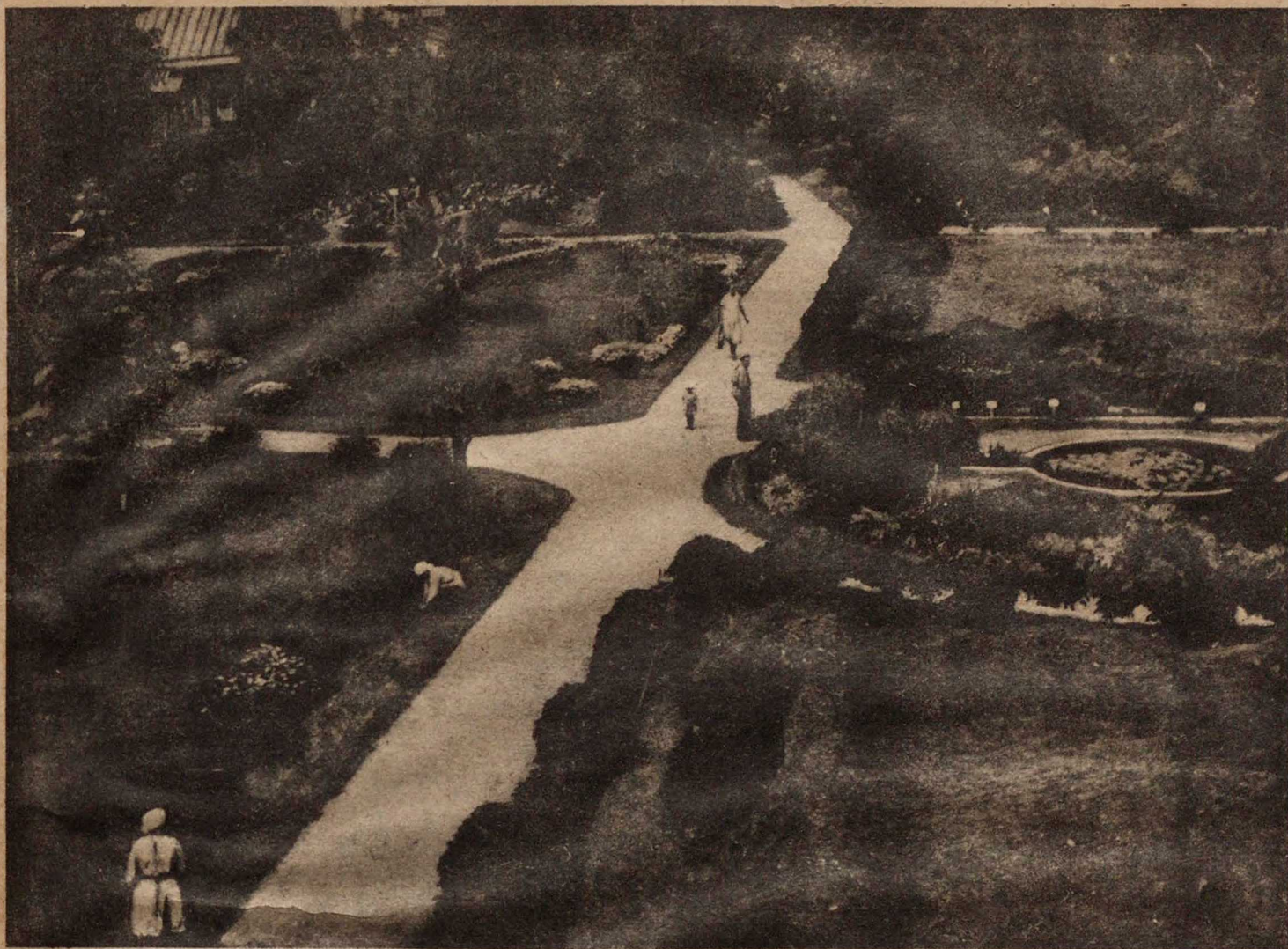
Из всего сказанного ясно, что столь шумевшие опыты То-Рамо ничего нового

Каравзус под гипнозом. На насекомое, положенное между двух книг, повешена тяжесть.

для науки не дают, доказывая лишь его необычайную тренировку в своем деле, а если и вызывают сенсацию в публике и печати, то как всякое „необычайное“ цирковое представление, раздутое умелой рекламой.

В. Бехтерев.

„Фабрика цветов“.

Фот. Е. С. Микულიной.

БОТАНИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Он уже стар, этот созданный еще при Петре „аптекарьский огород“ при Московском „гошпитале“. Но теперь это научная лаборатория ботаники, фабрика цветов и тропики, перенесенные под стекло московских оранжерей...

Мы торопимся в тропический лес. Огромные пальмы всех родов и видов упираются в стеклянное небо.

Редкие цикадовые пальмы переплетаются листвою с бананами и пандосами; маслинное дерево у подножия кокосовых, фиговых, саговых пальм; высокогорный кустарник азалии перемешивается с нежной окраской рододендрона, и по потолку ползут, как пахучие змеи, желтые розы „маршал-ли“. Малая Азия и Сирия, Месопотамия и Геджас, киликийский Тавр и Антитавр, Тигр, Амазонка — текут здесь рядом, лежат здесь один возле другого, если судить по флоре!

Здесь еще сохранились древние допотопные растения „гинкго-белобо“. А вот и другое чрезвычайно редкое ископаемое растение: древовидный папоротник. Этот папоротник существовал тогда, когда еще не было ни цветов, ни деревьев. И рядом с ним редкое растение — переход от хвойных к лиственным.

Мы отходим от каменного периода и перебираемся в современность.

Оранжерея кактусов. Они — дети пустыни. Они — пасынки природы, из Мексики, из Перу или Чили. Вот тысячи рабочих Чили, вытесненные безработицей из горнозаводской промышленности, пробиваются через „стоletник“ и кактусы в обнищавшие деревни, где голодают южане-креолы, пролетаризируясь и вырождаясь.

Следующая оранжерея — точно фабрика

Здесь показаны все пряные растения, имбирь и кардамон, фикусы, из которых десятки тысяч негров добывают каучук для акционерных обществ голландских парижских банкиров.

У бассейна „Виктории-Регия“.

Ваниль и орхидеи, все душистые эпифиты, живущие на стволах и ветвях других тропических растений — дополняют эту пряную оранжерею.

Капитал Европы — тоже эпифитен. Он всасывается крепкими корнями в черные

Но как разителен контраст! Эпифиты растительные не требуют соков тех деревьев, где они пользуются квартирой.

Ваниль и орхидеи живут на коре других деревьев, но влагу собирают свою. Это — честные квартиранты, а не паразиты.

Они не похожи ни на голландское правительствo, ни на англичан в Китае.

„Виктория-регия“, — водяная лилия. Это красочно-волшебное растение цветет ежегодно, несмотря на все обывательские уверения, будто „виктория-регия“ распускается раз в 100 лет.

Дальше — чрезвычайно интересная оранжерея средиземноморских растений. Ницца и Канны. Прованс и Афины. Наше Кавказское побережье в Крыму. Кедры гималайские, атласские, ливанские; олеандры, кипарисы, мандарины, лимоны, апельсины, рододендроны, лавровые деревья.

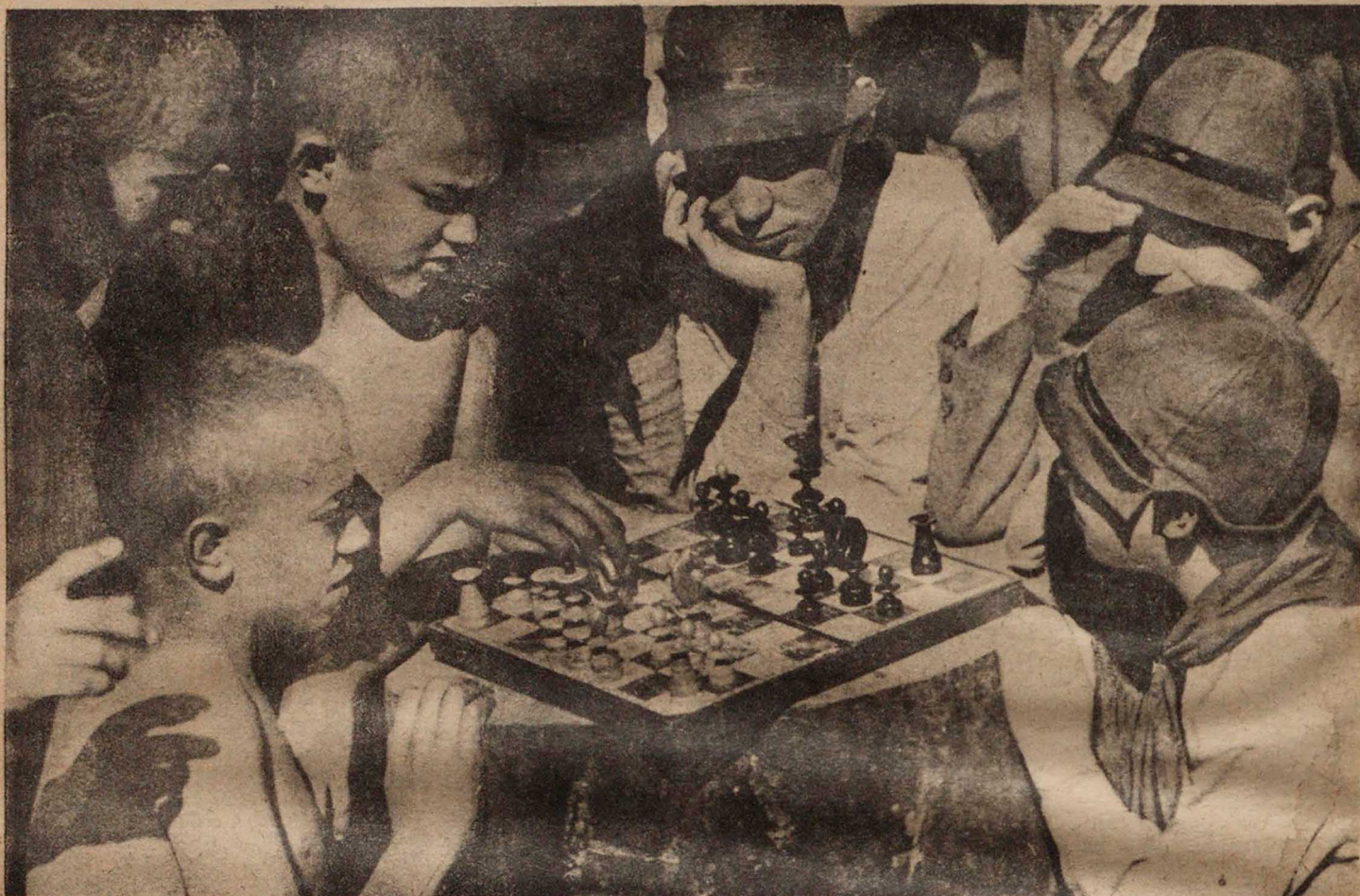
Вы выходите из оранжереи. Огромное зеленое море Ботанического сада все в работе. У парников особенно горячая страда. Строится специальная пальмовая оранжерея, разрушенная в дни гражданской войны. С героическими усилиями отстояли тогда ученые — ботаники и садоводы — редкие пальмы от распилики на топливо. И сохранился этот ботанический зеленый Интернационал!

Коллекция его охватила Старый и Новый свет. Этот сад обладает богатейшим собранием растений, которое превосходит только 300.000 образцов Всесоюзного института прикладной ботаники в Ленинграде, где одна лишь коллекция хлебных злаков состоит из 80.000 образцов.

Кто умеет слушать природу, кто понимает ее язык, кто видит за этими деревьями людей, их труд, их быт их классовую борьбу, — тому многое скажут эти пальмы и розы, лианы и кактусы.

Л. Малют.

АНГЛИЙСКИЕ ПИОНЕРЫ В МОСКВЕ

30 июня в Москву приехала делегация английских пионеров. Их шестеро — «красных детей, которые не поедут в Москву», как писали под их портретами буржуазные газеты Англии. А они поехали, и не только поехали, а уверены, что вернутся в Англию, несмотря на требование запретить им возвращение на родину. Они уверены, что правительство не посмеет не выпустить их, потому что за них миллионы рабочих, за них горняки, за них большая часть интеллигенции. В Москву они приехали из Ленинграда, где они начали свое знакомство с страной Советов. Естественно, их более всего интересует жизнь наших ребят. Они подчеркивают колоссальную разницу в отношении их преподавателей и наших школьных руководителей к своим воспитанникам. Они подчеркивают, что приехали в Москву не потому, что Москва столица, — для них она светлый оазис, куда обращены взоры рабочих всего мира. Они приехали научиться бороться, научиться строить лучшую жизнь, чтобы осуществить заветы любимого вождя — Ленина.

На снимке: английские пионеры в Лесной школе, в Сокольниках, играют в шахматы с нашими ребятами. Слева «белые» — (Москва), справа — «черные» — (Лондон).
Фот. Е. С. Микულიной

Редактор НИХ. КОЛЬЦОВ. Издатель — АКЦИОНЕРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО «ОГОНЕК». Непринятые редакцией рукописи не возвращаются. Перепечатки без указания источника — воспрещаются. РЕДАКЦИЯ — Москва 9, Страстной бульв. 11, Тел. 2-96-12; ГЛАВНАЯ КОНТОРА — Москва 9, Страстной бульв. 11; телефоны: 3-91-48, 5-51-69, 80-64. Подотдел подписки — 1-28-19. Редакция — 3-91-48. Адрес для телеграмм: Москва Огонек. ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ — Проспект 25 Октября, д. 1, тел. 5-28-09. ТАРИФ ОБЪЯВЛЕНИЙ: 1 стр. — 1500 р., 1/2 стр. — 750 р., строка непарелли — 2 руб. 50 коп.; сверх тарифа — 10% налога. ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на «Огонек» с одним прил. «Альбома Советского Юмора и Сатиры» (год. и полугодов. подп.) 1 м. — 40 к., 3 м. — 1 р. 20 к., 6 м. — 3 р. и 1 г. — 5 р.; с двумя прил.: 1) тома «10 лет Советского строительства» и 2) «Альбома» (только годовым и полугодовым) 6 м. — 4 р. 50 к., 1 г. — 6 р. 50 к.; с тремя прил.: 1) «Библи. Огонек» (ежед. 2 кв.) 2) «10 лет Совет. строит.» и 3) «Альбома» (только годов. и полугодовым) 6 м. — 9 р. 50 к., 1 г. — 15 р.

Разрешенные Ленинградпрофобром

КУРСЫ КОММЕРЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

Т-ва преподавател. осн. в 1922 г.

Подготавливают лиц общего пола к службе в качестве бухгалтеров, счетоводов, делопроизводителей.

ПРИЕМ ОТКРЫТ. В провинцию правила и анкеты высылаются бесплатно.

ЛЕНИНГРАД, Петроградская сторона, ул. Красных Зорь № 36.

Музыкальные САМОУЧИТЕЛИ И. Перекрестова, по цене более ДОРОГИЕ, НО

единственные по своей легкости. Каждый сразу начинает играть! Общий циферный самоучитель

ДЛЯ ГИТАРЫ

МАНДОЛИНЫ и БАЛАЛАЙКИ с новыми песнями, романсами и проч. высылаются за 2 р. 85 к.

ДЛЯ ГАРМОНИИ

(двухр.) такой же самоуч. с 80 музык. №№. Высыл. за 2 р. 85 к. «Русско-Иностранная Книга».

МОСКВА, улица Герцена, д. 9/3.

ОХОТА

ДРЕССИРОВКА СОБАК:

Яблонский. Воспитание, дрессировка и натаскивание легавой, ч. 1 р. 25 к.

Челищев. Гончая, ее воспитание и охота с ней, ч. 50 к.

ОХОТА НА ЗВЕРЯ:

Бутурлин. Дробовое ружье и стрельба из него, ч. 85 к.

Бутурлин. Пулевое охотничье ружье и стрельба из него, ч. 65 к.

Зворыкин. Охота на волков с флажками, ч. 50 к.

Соловьев. Волк и его истребление, ч. 70 к.

Зворыкин. Охота на лисицу, ч. 45 к.

Ширинский — Шихматов. Медведь и медвежья охота. Сплавания и рисунками, ч. 85 к.

СПРАВОЧНИКИ:

Бутурлин. Настольная книга охотника, ч. 95 к.

Спутник трудового охотника, ч. 1 р. 20 к.

ВЫСЛАЕТ

наложенным плат. без задатка (при заказе от 8-х руб. перес. бесплатно).

КООПЕРАТИВН. Т-ВО

«СОТРУДНИК ПРОВИНЦИИ»

МОСКВА 9, ул. Огарева, № 8.

КУРСЫ ЧЕРТЕЖНИКОВ.

ОТДЕЛЕНИЯ

МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОЕ и АРХИТЕКТУРНОЕ.

Отделение РИСОВАНИЯ.

ЗАОЧНОЕ ПРЕПОДАВАНИЕ

при Краевых Промышленно-Экономических

и Художественно-Технических Курсах

«ПОЛИГЛОТ»

состоящих в ведении Сев.-Кавк. Крайпрофобра

ПРИЕМ ПРОДОЛЖАЕТСЯ НА ОТДЕЛЕНИЯ:

бухгалтерии, стенографии, каллиграфии и

др. предметов.

По оконч. курса учащиеся подвергаются испытанию в спец. квалиф. комиссии и получают

свидетельств. СВИДЕТЕЛЬСТВО.

Требуйте бесплатно проспект и условия.

ПЛАТА ПОМЕСЯЧНО: от 1 до 3 р.

Адрес: Ростов на/Дону, «ПОЛИГЛОТ»

ВОЛОСЫ УНИЧТОЖАЕТ

(без бритья) МОМЕНТАЛЬНО и БЕЗВРЕДНО. ДЕПИЛИН»

где требует КРАСОТА и ГИГИЕНА тела»

лаб. МЕВЕ. Цена больш. фл. с подробным описан. способа при-

менения 2 р. Отпос. покупателям соответств. скидка.

Высылает немедленно, по получении задатка (можно почт. марк.)

Хим. Лабор. МЕВЕ, Одесса, ул. К.Маркса, 1.

ИЗБАВИТЬСЯ

НАВСЕГДА

от мозолей, бородавок

и пота

может каждый только «Продуктами Л. ГЛИКА»

№ 2. «Эксоль» уничтожает мозоли и боро-

давки с корнем и безвозвратно . . . Р. 2. — к.

4 «Javol» — радики. средство от пота Р. 1. 90 к.

1 «Клопин» — уничтожает клопов

в 15 мин. . . . Р. 1. 75 к.

«Клопин» — тройной размер . . . Р. 3. 50 к.

«Тараканон» двойной размер. . . . Р. 2. — к.

5 «Крысмор» — радикально истребляет крыс и мышей Р. 2. 50 к.

7 «Антипаразит» — идеальн. средство от вшей и блох Р. 1. 50 к.

Цены указаны с упаковкой и пересылкой. Качество продукт. гарантировано. Заказы высылаются немедленно по получении их стоимости. Адрес: Москва, Мясницкая, Кривоколенный пер., 1. И. ТОЛЫ.

ДОМАШНИЕ и КАРМАННЫЕ АПТЕЧКИ

и другие наборы высылаются непосредственно с ЗАВОДА.
Серия „А“ Цена 1 р. 50 к. Карманная и дорожная аптечка
в изящном футляре—21 предмет.
„Е“ „В“ 2 р. — к. Домашняя аптечка—21 предмет.
Домашняя аптечка в спец. ящике
для хранения лекарств—24 предм.
„В“ 5 р. — Домашняя аптечка в спец. ящике
для хранения лекарств—31 предм.
„Ж“ — р. 50 к. Спортивно-карманная аптечка—
8 пр. (высылается не менее 3 шт.).
„Д“ 3 р. 50 к. Парфюмерно-косм. посыл.—11 пр.
„8“ 4 р. — Парфюмерно-косм. посыл.—13 пр.
В каждой аптечке имеется наставление к пользованию.

Напишите нам открытку, укажите в ней ясно Ваш
точный адрес, и мы вышлем Вам любую посылку наложен-
ным платежом. Если вы переведете деньги вперед—заказ
пишете на отрезном купоне перевода.

При переводе полной стоимости вперед (почт. перен.)
пересылка бесплатно. При наложен. платеже перес. за
счет заказчика.

Прейс-куррант высылается **БЕСПЛАТНО**.

Адрес: МОСКВА, Центр, ГОСМЕДТОРГПРОМ, Отд. посылки № 7.

САМОУЧИТЕЛИ ремесел и производств

Куст. прован. из рога и кости, с
рис. и рец. прован. и окраски
их—80 коп. Починка резинов. га-
лош, велосипед. и автомо. шин
и др. пр. из резины—60 к. Багет-
но-рамочн. прован. золочение и
окраска, с 13 рис.—80 к. Зер-
кальное прован. куст. раб. по на-
вод. зеркал—80 к. Работы на пальце-
маше и иглу, и друг. веш.—60 к.
Фейерверки как сделать само-
му, изготовление и спуск, с 36
рис.—1 р. 25 к.

Набивка чучел птиц и животных,
с 30 рис.—80 к. Плетен. рыболовн.
сетей и вязание сеток, гамаков,
чехлов, с 44 рис.—80 к.
Рыбная ловля всех видов во все
времена года. Ловля рыбы на
удочку, полупасуки, сетями и
др. снаряд., с 17 рис. и 8 худож.
таб. пород рыб, 112 стр.—1 р. 25 к.

Все издания 1927 г. Инж. Пален-
гут—Постройка дачи и зимн. до-
мов, с атласом, 20 табл. 127 рис.,
1904 г. 1 р. 50 к., в перепл.—2 р.
Смирновский—Комнаты. Цветовод-
ство с 108 рис. 1918 г.—1 р. 25 к.
Лейхманн—Окрашка кож—50 к.
Рюмин инж.—Кустари. прован.
гарного (лампадного) масла—
50 к. Сидоров—Хим. пригот. луч-
шей колесной, копытной, сбруй-
ной и экипажн. смаз.—75 к. Пе-
тров М. Попух. курс телефонии,
с 74 рис. и схем. телефонов—
80 к. Флеров—Как шить обувь,
с 25 черт. и рис.—35 к. Гдан-
ский—Устр. заводика для обра-
ботки пеньки, с рис.—50 к. Се-
ливерстов. Кузнечное маст., с 16
рис.—40 к. Четвет—Изготовл. су-
х. гальванич. элементов, с 56 рис.—
75 к. Мальмер—Развед. пушных
зверей, уха, убой, выделка
шкур, с 18 черт. и рис.—60 к.
Кустари. прован. игрушек, с 36
рис.—40 к. Как самому постр.-
лодку, с 29 рис.—40 к. Уженье
рыб и ловля раков, с рис.
37 стр.—80 к. Евдокимов—Фото-
графия—Окспозиция и проваля-
ние—80 к. Интарсия—Мозаика
по дереву, искусственная резьба,
с 18 рисунками—50 коп. Ша-
тров—Шлифовка, проглажка, ла-
кировка и полировка—25 к. Как
самому переплести книгу, с рис.—
55 к. Песочный—Столярное дело
и производство мебели, с 107 рис.—
1 р. 15 к. Токарное дело по де-
реву, с рис.—75 к. Токарное дело
по металлу, с рис.—80 к. Слесарь,
с рис.—80 к. Кузнец, с рис.—50 к.
Малярное дело—45 к. Цены ука-
заны с перес. С наложен. плат.
на 11 коп. дорож. Небольш. суммы
просим высылать вперед, можно
мелкими почтовыми марками.

Перья „Графин“ Цена с пере-
сылкой: комплект из 5 штук раз-
ных номеров—2 р. 50 к. Для Сибир-
и на 50 к. дорож. Рекоменду-
ются для ртутных стеногазет,
плакатов и диаграмм.
Высылаются по получении денег.
Нижня. маг. М. П. Петрова (б. от.
фирма А. Сухова) Ленинград,
Н. Александр. рин. № 93.

ПОКУПАЙТЕ СКОМПЛЕКТОВАННЫЕ БИБЛИО- ТЕЧКИ ИЗ ЛУЧШИХ ПРОИЗВЕ- ДЕНИЙ ХУДОЖ. ЛИТЕРАТУРЫ В ИЗДАНИИ РАБОЧЕГО ИЗД-ВА

„ПРИБОЙ“

Ленинград, ул. Герцена, д. 15/12.

№ 1. Библиотека Современной
Русской Литературы:

10 книг—стоимостью 9 рублей.
Алленсов, М.—Большевики. Изд.
3-е стр. 190. Беляев, С.—Заметки
советского врача, стр. 133. Гонча-
ров, В.—Долина смерти. (Искатели
детройта). Ром. приключений, стр. 196.
Иванов, Всеволод.—Дыхание пусты-
ни, стр. 168. Каверин, В.—Бубновая
масть, стр. 198. Карпов, М.—Апрель-
ские прели, стр. 192. Катаев, В.—
Расстрелянный. Повести и рассказы,
стр. 271. Козанов, М.—Мещанин Ада-
мейко. Повесть, стр. 225. Лавре-
нев, Б.—Рассказ о простой вещи,
стр. 166. Омельченко, А.—Великая
смута. Роман, стр. 165.

№ 2. Библиотека Современной
Иностранной литературы:

15 книг—стоимостью 14 рублей.
Алблатер, П.—Завоеватели. Пе-
редов. с итал., стр. 235. Бильзе, Ф.—
Десятиднев. Перев. с немек., стр. 293.
Вотель, К.—Я—завядлый буржуй.
Роман. Перев. с франц., стр. 218.
Дармор, И.—Статисты, стр. 243. Де-
сбори, Лауреон.—Эмс. Роман, стр. 126.
Дювернуа, А.—Супруги. Перевод с
франц., стр. 88. Ибаньес, Б.—Земля
для всех. Перевод с испанск. стр. 272.
Константин-Вейер, М.—Шквал. Пе-
ревод с франц., стр. 189. Кордз, М.—
В Трикоции. Перев. с франц., страни-
ца 131. Ландсбергер, А.—Эмиль.
Роман авантюриста. Перев. с немец-
кого, стр. 240. Лонн, У.—Старый
мост. Перев. с английск., стр. 309.
Лауренс, Д. Г.—Сыновья и любов-
ники. Роман. Перев. с англ., стр. 285.
Пугайль, А.—Мир заключен. Перев.
с франц., стр. 165. Фрей, А.—Много
шуму из-за любви. Пер. с немек.,
стр. 255. Шницлер, А.—Фридолин.
Новелла. Перев. с нем., стр. 102.

№ 3. Библиотека Иностранной
классической литературы:

10 книг—стоимостью 8 р. 50 к.
Бальзак, О.—Женя Грандо. Роман.
Пер. с франц., стр. 217. Воиник, Е.—
Овод. Роман из эпохи борьбы Итали-
за национальное освобождение. Пе-
ре. с англ., стр. 319. Джером К.
Джером.—Антони Джон. Перев. с
англ., стр. 172. Додз, А.—Тартарен
из Тараскона. Пер. с франц., стр. 85.
Ионас-Дойль.—Торисоний дж. Гертль-
стон и К°, стр. 211. Мопассан,
Монт-Орнель. Роман. Перев. с франц.,
стр. 222. Скиннер, Уэлтон.—Джамми
Хиггинс. Социалистический роман из
эпохи мировой войны. Перев. с англ.,
стр. 228. Уэльс, Г.—Клад мистера
Бристера. Перев. с англ., стр. 87. Фло-
бер, Г.—Мадам Бовари. Роман. Пе-
с франц., стр. 349. Франс, А.—Острон
пигмиев. Пер. с франц., стр. 253.

Заказы направлять по адресу:
Почтовый экспедиция Изд. „ПРИБОЙ“
Ленинград, Просп. 25 Октября, 52.
При высылке денег вперед—пересыл-
ка за счет Изд-ва. Заказы исполняют-
ся наложенным платежом. Все катало-
ги и проспекты высылаются по пер-
вому требованию **БЕСПЛАТНО**.

ОБУЧАЙТЕСЬ МАШИНОПИСИ

по американскому слепому десяти-
пальцевому методу, по самоучителю-
руководству. Учебник включает
30 уроков обращения с пишущей ма-
шиной, 30 уроков практических ра-
бот, 7 таблиц клавиатур и 5 рису-
нков в тексте.

Цена экземпляра 2 р. 85 к., с пере-
сылкой 3 р. 25 к. Отправка наложен-
ным платежом. Перевозные вперед
денеги за пересылку не платят.

СКЛАД ИЗДАНИЯ АВТОРОВ
МОСКВА Центр, Мясницкая, 1.

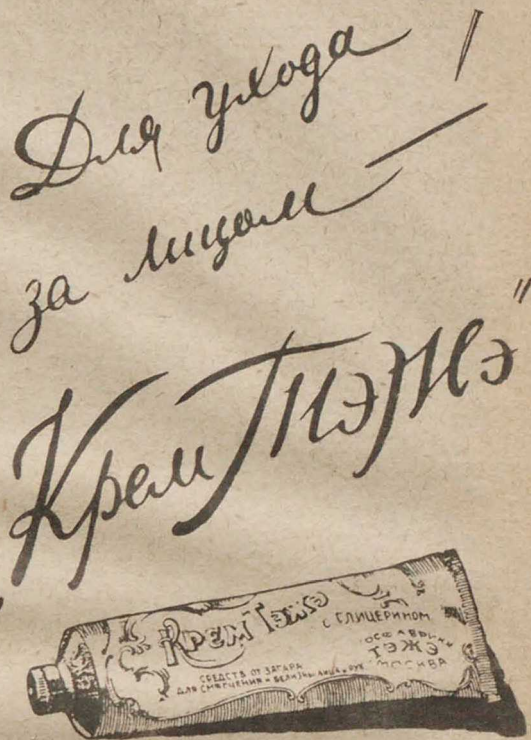
БРАТЯ ДОЛГОПЯТОВЫ

Магазин пишущих машин, арифмо-
метров и принадлежностей.
Самоучитель вышел из печати и вы-
сылается по первому требованию.

НОВЫЕ КНИГИ — ПО РЕМЕСЛАМ — И ПРОИЗВОДСТВАМ:

ГОФМАН. Токарь по дереву и
металлу 1 р. 50 к. Доброхотов.
Электромонтер. 60 к. Образцов. Как
варить мыло, 70 к. Быковский. Чер-
тежник-самоучка. 75 к. ПЕСОЧНИК.
Столярное ремесло 3 р. 50 к. Его же.
Обработка дерева. 3 р. 50 к. Ива-
сенко. Самоучитель кройки и шитья
дамского и детского платья и белья.
2 р. 50 к. Порецкий. Кузница и
работа в ней. 50 к. Самойлов. Му-
комольное производство. 1 р. Его же.
Маслобойное производство. 60 к. Бы-
ковский. Колбасное дело. 40 к. Ла-
лин. Винокурное производство.
1 р. 50 к. Его же. Жиры и масла.
1 р. 50 к. Полевский. Домашнее
приготовление плодовых и ягодных
ли. 1 р. 50 к. Штейнберг. Практи-
ческое огородничество. 4 р. Балаба-
нов. Плодоводство. 1 р. Клейн. Мо-
лочное хозяйство. 3 р. КАЧМАРЕК.
Штамповальное производство.
2 р. 50 к. ПОКРАНД. Горячая
штамповка и изготовление штам-
пов 3 р. 50 к.

Заказы адресовать:
Московскому Акционерному
Издательскому Обществу.
Москва, Малая Дмитровка, 8/и.
Заказы исполняются с наложен-
ным платежом без задатка с до-
бавлением стоимости пересылки

Для овладения немецким яз.

не следует изучать его по
устарелым методам. Нилуч-
шим признаком новейший метод
МЕРТНЕРА, изобретящий от
необходимости заучивания слов
и правил.
Самоучитель в 10 выпусках
высылается за 2 руб. 85 коп.
Москва, ул. Герцена, д. 9/3.
„Русско-Иностранная Книга“.

УЗНАВАЙТЕ ПОГОДУ

Гигрометр „БАРО-
МЮР“ для предска-
заний. ПОГОДЫ с ве-
чным переводчик. на-
ходим. Необходим
Х.-ф. Ин-та всег. Высыл. немедл.
ВСНХ №331/8. по получении одного
рубля (можно марк.). Налож. плат.—
1 р. 20 к. Оплатить скупки. Ал-
реп: Москва, центр 555, почт. ад.
№ 1163. Производство „БАРОМЮР“.

КАКОЮ БУДЕТ ГРЯДУЩАЯ ВОЙНА?

ОТВЕТ НА ЭТО

ДАЕТ РОМАН-ГАЗЕТА

Вышел номер первый — сенсационный роман
известного немец-кого писателя

БЕХЕР Грядущая Война

В КАЖДОМ НОМЕРЕ БОЛЬШОЙ ЗАКОНЧЕННЫЙ РОМАН
популярного русского или иностранного автора
Цена каждого романа 25 коп.
ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ ГАЗЕТНЫХ КИОСКАХ.

КОНКУРС

на лучшую массовую рабочую книжку

ОБ'ЯВЛЯЕТ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

ПРЕМИИ:

1-я—300 руб. сверх авторского гонорара
в 150 руб. за печ. лист;

2-я—150 руб. сверх того же гонорара,
и бесплатно полное собрание сочинений
В. И. Ленина.

Т Е М Ы:

1. Старое и новое на советской фабрике.
2. Свет и тени рабочего быта. (Старое и новое в рабочем быту).
3. Наше производственное совещание.
4. Рабочий и работница в борьбе за дешевый товар.
5. Цеховая ячейка.
6. Выше производительность—ближе к социализму.
7. Почему рабочий класс стоит за раскрепощение женщин.
8. Почему рабочий должен быть интернационалистом.
9. Как рабочий жил при царе.
10. Почему пролетариат—вожак крестьянства.
11. Против бюрократизма.

(Подробные условия помещены в газете „Правда“, № 128, от 2 июня 1927 года).

Работа должна быть написана простым, ясным, толковым, живым языком, без длинных предложений, без мудреных слов и трудных оборотов речи: она должна быть доступна каждому рядовому средне-грамотному рабочему.

Работа представляется в рукописи, переписанной на машинке, или, в крайнем случае, четко от руки, обязательно на одной стороне листа, и не должна превышать 2 печатных листов (80 тысяч печатных знаков, 40 страниц, написанных с полями на машинке). Порядок посылки рукописи следующий: работа подписывается не фамилией, а девизом, условным выражением. Фамилия, имя, отчество и адрес автора пишутся на отдельном листе бумаги и запечатываются в отдельный конверт, на котором надписывается выбранный девиз. Рукопись вместе с конвертом отправляется с надписью „для конкурса“, по адресу: Москва, Рождественка, 4, агит.-проп., ГИЗ.

Последний срок представления работы—15 декабря 1927 года. Позже поступившие рукописи к конкурсу не принимаются.

Для просмотра конкурсных работ и присуждения премий авторам лучших книжек, создается комиссия жюри, в составе следующих товарищей: КРЫЛОВ АПО ЦК ВКП(б), РУДОЙ (отдел печати ЦК), МАЛЬЦЕВ (редактор „Рабочей Газеты“), ЕВРЕИНОВ (культур.-отдел ВЦСПС), ЕВГЕНОВ („Раб.-Крест. Корреспондент“), ЯНСОН и ХАВИНСОН (Госиздат).

Просьба к рабочим корреспондентам принять участие в этом конкурсе самим и шире привлечь к участию в нем рабочих через стенные газеты.

При переписке ссылаться на это об'явление!

ПРОДАЖА во ВСЕХ АПТЕКАХ и МАГАЗИНАХ САНИТАРИИ и ГИГИЕНЫ СССР.
ЦЕНА 1 кор. в капсулах—60 коп. ■ ЦЕНА 1 кор. в таблетках—40 коп.
Высыпается почтой наложен. платежом не менее 5 коробок. — Пересылка бесплатно.

ВНИМАНИЮ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ФИТИНА: „Употребление фитина в желатиновых капсулах не имеет никаких преимуществ перед приемом их в виде таблеток и основано на привычке, привитой частными фабрикантами в целях удорожания и излишней наживы. ■ В таблетках имеется то же количество фитина, того же высокого качества. Число таблеток в коробке такое же, как и капсул в одной коробке. ■ Но упаковка в капсулы стоит значительно дороже, и потребитель, получая одно и то же, переплачивает за упаковку. ■ Употребляя фитин в таблетках, вместо капсул, Вы вместо одной коробки в капсулах за те же деньги будете иметь полторы коробки в таблетках“.

ГОСМЕДТОРГПРОМ

А Д Р Е С : МОСКВА, Центр, Госмедторгпром, Отдел посылок № 7.

ФИТИН

ГОСМЕДТОРГПРОМА

ИЗ РАСТИТЕЛЬНЫХ ВЕЩЕСТВ С БОГАТЫМ СОДЕРЖАНИЕМ ФОСФОРА, ЛЕГКО УСВАИВАЕТСЯ ОРГАНИЗМОМ, ВОССТАНАВЛИВАЕТ и УКРЕПЛЯЕТ НЕРВНУЮ и КОСТНУЮ СИСТЕМУ

Новые издания для
САМООБРАЗОВАНИЯ:

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Электротехника
в 15 книгах.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
МЕХАНИКА
в 15 книгах.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
Строителя
в 15 книгах.

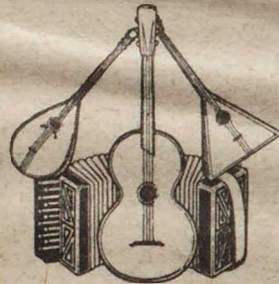
БИБЛИОТЕКА
Железнодорожника
в 15 книгах.

Главное назначение этих изданий—в популярном изложении, не требующем знания высшей математики, дать теоретические и практические познания в соответствующих областях техники лицам, лишенным возможности получить образование в школах и техникумах. Получившие же специальное школьное образование обновят и пополнил при помощи этих изданий свои познания.

Подписная цена каждой энциклопедии—СОРОК руб.
Стоимость этих книг в отдельной продаже значительно выше.
ДОПУСКАЕТСЯ РАССРОЧКА:
При подписке высылаются заказы 6 р., после чего издательство немедленно начнет высылать ежемесячно по ДВЕ книги с наложен. плат. на 5 р. 70 к. Последние 8 книги будут высланы без налож. платежа.
Желающие могут получать ежемесячно только по одной книге с налож. плат. на 2 р. 85 к.

Подробные проекты этих изданий высылаются бесплатно.
Заказы адресовать:
МОСКОВСКОМУ АКЦИОНЕРНОМУ ИЗДАТЕЛЬСКОМУ ОБЩЕСТВУ
МОСКВА, Малая Дмитровка, д. 8/в.

САМОУЧИТЕЛИ

по нотной-цифровой системе
для БАЯНА

Орланский-Титаренко, для разных систем. Ц. 3 р.

для ГАРМОНИКИ 3-рядн.

Орланский-Титаренко, с новейшими пьесами. Ц. 1 р. 50 к.

для БАЛАЛАЙКИ

И. Исаков (по цифровой системе). Ц. 75 к.

для МАНДОЛИНЫ

И. Исаков. Нов. самоучитель с 47 пьесами. Ц. 1 р. 50 к.

И. Исаков. 15 альбомов для манд. с последн. новинками за альбом от 1 р. до 1 р. 50 к.

для ГИТАРЫ

А. Фишер (по цифровой сист.). с 22 нов. пьес. Ц. 1 р.

Н. Исаков. Новые пьесы. Ц. 1 р. 25 к.

Струны и мелк. музык. принадл. для всех instrum., а также БАЛАЛАЙКИ в 5, 6, 7, 8, 10, 12, 15, 20, 25 и 30 р.

ГИТАРЫ в 10, 20, 25, 30, 40 и 50 р.

МАНДОЛИНЫ в 18, 20, 25, 30, 40 и 50 р.

Высыл. налож. плат. до 5 р. без задат. Перес. за счет заказчика. Заказы напраз. по адресу:

НОТНЫЙ СИЛАД
ЛЕОН ВАЛЯЩИК

Ленинград, Гостиный двор, 12.

ВНИМАНИЕ!

— НОВЫЕ КНИГИ: —

Д-р КРАЙФЕЛЬД. — Гипноз и внушение 1 р., с пер. 1 р. 30 к.

Д-р мед. ДРЕНСЛЕР. — Как предохранить себя от беременности, не прибегая к аборту. 112 стр. 32 рис. 1 р. 20 к., с пер. 1 р. 50 к.

Д-р ЯКОБСОН. — Половая холодность женщины. 2 доп. изд. с 28 рис., 2 р. 25 коп.

Г. ГОРЧАКОВ. — Опытный рыболов-любитель и ужение рыбы самодельными снастями, около 100 рис., 1 руб., с пер. 1 р. 30 к.

Г. БРОДЕРСОН. — Самоучители фотографии: 1) Фотография в современ. условиях — 80 коп. 2) Фото-оптика и самодельные объективы — 90 к. 3) Фото-рецептура — 90 к. 4) Фото-увелич. самодельн. аппаратами — 60 к. Выпущ. все 4 кн. — 2 р. 50 к., с пер. 3 р.

БЕХТЕРЕВ инж. — Тракторы в общем применении. разбор конструкции — 1 р., с пер. 1 р. 30 к.
Прив.-доц. РУДИНИЦКИЙ. — Лечение ослищем — 1 р., с пер. 1 р. 30 к.

ФОРЕЛЬ. — Половое влечение, гигиеническое и соц. исследов. ц. 4 р.

ПЕСОЦИЙ Н. — Технический справочник, в пер. — 2 р. 20 к.

ПЕСОЦИЙ Н. — Полный курс столярного искусства, 407 рис. 3 р. 50 к.

Требования адресов: Ленинград, пр. Володарского 55/0.

Книжному магазину

„Техника и Медицина“

Биллиардный мастер А. К. ФАЛИН
Ленинград, Чернышев с., 20. Т. 169-50.

ПРИЕМ ОБ'ЯВЛЕНИЙ во все провинциальные газеты с.с.с.р.

■ Бюро иногород. об'явлений
■ Акц. Изд. О-ва „ОГОНЕК“
■ Москва 9, Тверской бульв. 26,
■ тел. 3-12-56. Ленинград — Просп.
■ 25 Октября, тел. 5-26-09.